

ГЕНРИХ
САПГИР
ГОЛОСА

(1)

Генрих Вениаминович Сапгир
Д. М. Давыдов
Собрание сочинений.
Том 1. Голоса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70131832

Собрание сочинений. Голоса. Том 1: Новое литературное обозрение;

Москва; 2023

ISBN 9785444823469

Аннотация

Новое собрание сочинений Генриха Сапгира – попытка не просто собрать вместе большую часть написанного замечательным русским поэтом и прозаиком второй половины XX века, но и создать некоторый интегральный образ этого уникального (даже для данного периода нашей словесности) универсального литератора. Он не только с равным удовольствием писал для взрослых и для детей, но и словно воплощал в слове ларионовско-гончаровскую концепцию «всёчества»: соединения всех известных до этого идей, манер и техник современного письма, одновременно радикально авангардных и предельно укорененных в самой глубинной национальной традиции и ведущего постоянный провокативный диалог с нею. В первый том собрания «Голоса» вошли разножанровые произведения Генриха Сапгира,

объединенные идеей диалога – с поэтами-предшественниками и современниками, с социальными языковыми моделями и метафизическими силами. Сапгир выступает то как собеседник-оппонент, то как транслятор чужих языков, то как художник-исследователь человеческого (и нечеловеческого) многоголосья.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	13
ГОЛОСА	16
ГОЛОСА	16
ОДИНОЧЕСТВО	18
СОН	20
ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ	23
НА ШПАЛАХ	25
ПОТОП	27
СМЕРТЬ ДЕЗЕРТИРА	30
ЗЕМЛЯ	33
РАДИОБРЕД	36
ВОЙНА БУДУЩЕГО	38
«ОБЕЗЬЯН»	39
РАЗГОВОРЫ НА УЛИЦЕ	41
НОЧЬ	43
ПРЕМЬЕРА	45
СТОЛИЦА	47
ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОХОРОНЫ	49
ЗНАМЕНИТЫЙ ХИРУРГ	51
ИКАР	53
ДВА ПОЭТА	55
ГРУЗИНСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ	57
ПЕТР И КЛЕОПАТРА	58

МОРОКА	60
МУЖ И ЖЕНА	62
БОРОНА	64
МЕТЛА И ТОПОР	66
ШЛЯПА И КРОЛИКИ	68
МАНЕВРЫ	70
ГЕРОСТРАТ	72
УРОК	74
КЛЕВЕТА	76
БУТЫЛОЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ	78
АНЕКДОТ	80
УТРЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ	82
НОЧЬ	84
БЛОХОМОР	85
АУ-АУ	87
ПОСЕЩЕНИЕ	88
БЫК	91
БОРОВ	93
ИВАН И ДИВАН	95
ПАУК	97
СУД	100
БУНТ	102
В РЕСТОРАНЕ	104
КАК УКРАСИТЬ СВОЮ КОМНАТУ	106
ПОЭТ И МУЗА	108
ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ	111

ЩУКА	113
ВОПЛОЩЕНИЯ	115
СОН НАЯВУ	117
СОЛДАТЫ И РУСАЛКИ	119
СОЛДАТЫ НА ОТДЫХЕ	121
КИРА И ГАШИШ	124
УТРО ИГОРЯ ХОЛИНА	127
МАРТ	130
ПАМЯТНИК	132
КИНОСЕАНС	134
БОГ	136
БУКЕТ	138
МОЛЧАНИЕ	140
ПАМЯТИ ОТЦА	140
СВИДАНИЕ	142
СТО	144
ГЛАВКУКЛА	146
СНЕГ ИЗ ФОНАРЯ	148
ОГОЛЕННОСТЬ	150
БОЧКА	153
СУЩНОСТЬ	155
ТЕЛО	157
«Длинноногая...»	159
«На женщин похожи разные вещи...»	160
СТИХИ ИЗ КАРМАНА	162
ПРОВЕРЕНО ОТК	164

НОЧЬ	166
КЛАДБИЩЕ САМОЛЕТОВ	168
ХРАПОИДОЛЫ	171
«Ты протянула руку...»	173
«Ложусь на галечник...»	174
КАМЕНЬ	175
СТАРИКИ	178
БЕЗ НАЗВАНИЯ	181
СТАРЫЙ КИТАЙСКИЙ СПОСОБ	183
РОМАНТИЧЕСКИЕ СТИХИ ПО ПОВОДУ ОСЕНИ	184
«Спокойно...»	186
«Тсс...»	186
«Жизнь...»	187
«Рядом шевелится...»	188
«Еще не осознав...»	189
«Часы от ночи отставали...»	190
САД	191
ЧЕЛОВЕК БЕЗО ВСЕГО	193
ПОЭМА О ЦВЕТАХ	195
МОЛЧАНИЕ	198
ЛАМПА	200
ИРИНА	202
МОНОЛОГИ	204
ПРОЛОГ	205
СТЕНА	209

ГЛУШИЛКА	212
СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ	216
АХВЕЛЛОУ	221
Я – НЕ Я	227
ЗИГЗИГЗЕО	233
ОМЕГА, ИЛИ ИММИТАЦИЯ	239
ФОКУСНИК	245
СЕАНС ПРОДЛЕННОЙ ЛАСКИ	250
РОМЕТТА	255
БЕДНЫЙ ЙОРИК	260
АМАДЕЙ И ВОЛЬФГАНГ	268
СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ – 1	274
СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ – 2	279
ЛИЦО	285
УПАКОВЩИК	291
ВЕСЕННИЙ БУКВАРЬ	295
ДЕРЕВЬЯ	299
КОЗЛОБОРОДЫЙ КОНТРАБАС	304
ПЛЯСОВАЯ ИГРОВАЯ	308
ДУЭЛЬ	316
КАРМАНЫ	322
ГЕНРИХ БУФАРЕВ. ТЕРЦИХИ	324
ПЕЛЬСИСОЧНАЯ	325
КИОСК КУРОРГА	326
ДОМ ИЗ ДЕТСТВА	327
ГИСТОРИЯ	328

ПИТИУНДА	330
ПОЕЗДКА В КОЛДОБ	331
КЕРЫВНИК ТАЙ ПРАЦИВНИК	333
ХОРОНЫ БАРАКА	335
ХМЫРИЗМЫ	337
ПЕРЕМЕНА	339
ХРСТ И САМАРЯНКА	340
ПОСЛАНИЕ – САПГИРУ	342
КУЗНЕЧИКУС	344
БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА В МОРОЗ	345
СУМЕРКИ	347
ЧУРЗЕЛ	349
ПАРЕНЕК И ГЕРЛЕСКИ	350
ВОЛК В УНИВЕРСАМЕ	352
ОЧЕРЕДЬ	354
ЭТЮДЫ В МАНЕРЕ ОГАРЕВА И	357
ПОЛОНСКОГО	
1	357
2	358
3	359
4	360
Конец ознакомительного фрагмента.	361

Генрих Сапгир

Собрание сочинений.

Голоса. Том 1

Генрих Сапгир
Голоса
Том 1

Новое литературное обозрение

Москва

2023

УДК 821.161.1

ББК 84(2=411.2)6

С19

Руководитель редакционной коллегии – Ю. Б. Орлицкий

Генрих Сапгир

Собрание сочинений. Том 1: Голоса. / Генрих Сапгир. –

М.: Новое литературное обозрение, 2023.

Новое собрание сочинений Генриха Сапгира – попытка не просто собрать вместе большую часть написанного заме-

чательным русским поэтом и прозаиком второй половины XX века, но и создать некоторый интегральный образ этого уникального (даже для данного периода нашей словесности) универсального литератора. Он не только с равным удовольствием писал для взрослых и для детей, но и словно воплощал в слове ларионовско-гончаровскую концепцию «всёчества»: соединения всех известных до этого идей, манер и техник современного письма, одновременно радикально авангардных и предельно укорененных в самой глубинной национальной традиции и ведущего постоянный провокативный диалог с нею. В первый том собрания «Голоса» вошли разножанровые произведения Генриха Сапгира, объединенные идеей диалога – с поэтами-предшественниками и современниками, с социальными языковыми моделями и метафизическими силами. Сапгир выступает то как собеседник-оппонент, то как транслятор чужих языков, то как художник-исследователь человеческого (и нечеловеческого) многоголосья.

В оформлении обложки использован фрагмент фотографии Г. Сапгира. Фотограф И. Пальмин. Москва, 1975 г.

ISBN 978-5-4448-2346-9

© Г. Сапгир, наследники, 2023

© Д. М. Давыдов, состав, послесловие, 2023

© Ю. Б. Орлицкий, введение, 2023

© Н. Агапова, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

ВВЕДЕНИЕ

В электронном архиве Генриха Сапгира сохранилось три варианта составленных им самим «Полных собраний сочинений»: два шеститомных и одно трехтомное. Логика всех собраний едина и вполне академична: сначала идут в порядке написания стихотворные сборники (первые три или два тома), потом – проза: рассказы и большие формы, наконец, произведения, адресованные детям. Последняя авторская версия собрания датирована 1995 годом; как известно, поэт прожил еще четыре года, в которые очень активно продолжал писать, так что многие поздние произведения оказались за рамками его ПСС. Кроме того, за рамками авторских собраний оставались также переводы, заметки о литературе, визуальные стихи Сапгира.

При этом все авторские книги-циклы поэта, созданные до 1995 года, представляют собой строго организованные художественные конструкции: писавший свои «взрослые» стихи и поэмы в условиях принципиальной невозможности публикации в Советском Союзе и не стремясь печататься за его пределами, Сапгир парадоксальным образом оказался в ситуации полной свободы творчества, не вписываясь ни в какие издательские планы и программы и не оглядываясь на цензурные и самоцензурные ограничения. В год он обычно создавал по одной-две книге, над другими работал несколь-

ко лет, причем в основу каждой был положен тот или иной принцип или прием, который может затем работать в последующих сборниках в затухающем режиме или вообще не использоваться. Именно поэтому составители трех предшествующих собраний поэзии Сапгира – А. Глезер (1993, 1999) и Д. и М. Шраеры (2004) полагались в основном на логику и рубрикацию автора, располагая произведения по его схеме, однако позволяя себе произвольно сокращать объем публикуемых в их изданиях сборников.

Правда, в последние годы жизни поэт, оказавшись в неподцензурной ситуации перестройки, нарушает свои принципы и начинает творить в условиях новой свободы, создавая по несколько циклов параллельно и постоянно меняя их состав; этому способствовало и то, что разные издания наперебой требовали от него новых стихов, а с другой стороны, работа на компьютере позволяла варьировать наполнение вновь создаваемых циклов и книг. Эти обстоятельства естественно привели к определенным сложностям при компоновке поздних произведений Сапгира, разрешить которые мы постарались в посмертном собрании стихотворного наследия автора в составе книги «Складень» (издательство «Время», 2008).

Нынешнее, наиболее полное издание сочинений крупнейшего русского писателя конца XX века, в определенной мере подводящее итоги отечественной литературе этого времени в целом, в основном опирается на авторский замысел,

однако представляет творческое наследие поэта в несколько ином ракурсе: его очень условно можно назвать жанрово-тематическим. Отталкиваясь от предельного разнообразия стилей и поэтических техник, к которым Сапгир обращался в течение своего творчества, мы, в соответствии с выделенным издательством количеством томов, разделили это творчество на четыре части, представив в них Сапгира полифонического (книга «Голоса»), Сапгира мифологического (книга «Мифы»), Сапгира экспериментально-авангардного (книга «Глаза на затылке») и Сапгира-неоклассика (книга «Проверка реальности»). Разумеется, такое распределение носит условный характер, однако благодаря ему можно зримо представить не только неисчерпаемое многообразие творчества автора, но и проследить сложные связи между его стихами и прозой, творчеством для взрослых и для детей, переводами и оригинальным творчеством, новационными и традиционными трендами, иногда причудливо переплетающимися в пределах единого цикла и даже одного текста.

От имени авторского коллектива

Юрий Орлицкий

ГОЛОСА (1958–1962)

ГОЛОСА

Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Вон там убили человека,
Внизу – убили человека.

Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем, посмотрим на него.
Пойдем. Посмотрим на него.

Мертвец – и вид, как есть мертвецкий.
Да он же спит, он пьян мертвецки!
Да, не мертвец, а вид мертвецкий...
Какой мертвец, он пьян мертвецки —

В блевотине валяется...
В блевотине валяется...
В блевотине валяется...

.....

Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги,
Берись за руки и за ноги

И выноси его на двор.
Выгаскивай его на двор.
Вытряхивай его на двор!
Вышвыривай его на двор! —

И затворяй входные двери.
Плотнее закрывайте двери!
Живее замыкайте двери!
На все замки закройте двери!

Что он – кричит или молчит?
Что он – кричит или молчит?
Что он – кричит или молчит?
Что он? – кричит или молчит?..

ОДИНОЧЕСТВО

Мигает лампочка у входа!

Тут, на полу, на полках склада
Толь, гвозди и – кому что надо —
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Бутылку и стакан – на бочку!
Пьет водку молча, в одиночку.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Очки на лбу. Подслеповато
Глядит. Жена? Была когда-то.
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Глядит – и тянутся концами,
Кривыми скалятся зубами
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Вдруг инструмента стало вдвое...
Все поскакало вкруговую:
Лопаты, пилы, топоры,

Кувалды, кирки и ломы.

Довольно! Хватит! Надоело.
Лежите смирно. Ждите дела,
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Поднялся. Вышел из сарая.
Замок навесил, запирая
Лопаты, пилы, топоры,
Кувалды, кирки и ломы.

Луна. Леса. Громада стройки.
Барак. Старик уснул на койке.
Лопаты... пилы... топоры...
Кувалды... кирки... и ломы...

СОН

Незнакомый, но знакомо
Прикоснулся. И истома —
И испуг – и исступленье —
И сознание преступления —
И какое-то учреждение.

Коридор
Сер.
Кабинеты
Все
Раскрыты.
Вошла в кабинет —
Никого нет.
Паркет.
Ступила за черту —
И полетела в пустоту.
В воздухе изгибается тело.
А-А-А! —
Целовал
Мягкий овал
Живота.
А-А-А!

Гулко в подземном зале.
Спят, сидят, как на вокзале,

Люди.
Сосед спеленутый бинтами.
Лицо в бинтах, как в белой раме,
Знакомо ей до жути.
Глядит внимательный глаз!
ОН.
В ушах металлический звон,
Во рту металлический вкус...
А-А-А!

Полетела.
В воздухе изгибается тело,
Наплывают облака.
Издалека:
А-А-А!

Тишина.
Мрак.
Сердца стук.
Вдруг
Уловила слухом жадным:
Глубоко внизу, в парадном
Гул.
На лестнице крутой
Шаги.
Приближенные темнотой
Шаги
Вырастают, как враги,
Шаги.

Вот сбились, стали неуверенны —
Во тьме отыскивают дверь они.
Дверь отворилась: никого —
Мгла и волокна облаков —
ПУСТОТА-А! —

(Сто дверей в учреждении
И сознание преступления,
И лицо в бинтах, как в раме,
И полет над облаками.)

А-А!

Проваливается кровать,
Проваливается кровать,
Проваливается кровать,
Проваливается кровать!

ПРЕДПРАЗДНИЧНАЯ НОЧЬ

Льву Кропивницкому

Пахнет пирогами. Тихо.
Прилегла и спит старуха.

Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять.
Мигом сын вскочил с постели
И стоит в одном белье —
Тело белеет.

Вдруг
Зять схватил утюг.
Хряк! —
Сына сбил с ног.

(Крикнуть порывалась,
Но пресекался голос,
Встал отдельно каждый волос!)
Зять глядит зловеще:
«А ну, теща, отдавай мои вещи!»
Надвигается на тещу —
И не зять, а дворник —
И не дворник, а пожарник.
За окном кричат: Пожар!
Запевают пьяный хор
В багровом отсвете пожара

За столом пируют гости.
Зять сидит на главном месте.
Рядом с ним соседка Вера
Хлопает стаканом водку.
Зять облапил, жмет соседку.
Целовать! Она не хочет,
Вырывается, хохочет.
Зять кричит: «Женюсь, ура!
А законную жену
Из квартиры выгоню
Или в гроб вгоню!»
Галдеж: «Давно пора!»
В комнате все жарче,
Ярче.
С треском лопнуло стекло.
Дымом все заволокло.
Лица,
Глаза, разинутые рты —
Все проваливается...

В солнце половина комнаты.
На столе блюдо —
Пирогов груды.
Сын стоит в одном белье.
Из-за ширмы вышел зять,
Наклонился что-то взять:
– Эх, погодка хороша!
– С праздником вас, мамаша.

НА ШПАЛАХ

Разгружал стальные балки.
Водку пил с обходчицей.
Из-под век видны белки.
Блевать хочется.

Небо сумеречно-ало.
Провода. Их тихий звон.

Щит: ЗАКРОЙ СИФОН
И ПОДДУВАЛО

Указатель: ПРОСТИТУТКИ

Из будки

Вышла женщина,

Стоит к нему обращена.

Ветер сдул подол юбки:

Чулки, белое тело.

– А я тебя ожидала...

Вымя сжал корявой лапой.

Повалил ее на шпалы.

И ощерясь жарко дышит.

СТРЕЛКА МАНОМЕТРА НА ПРЕДЕЛЕ!

Слышит:

Рельсы загудели.

Рванулся. Держит, не пускает.

Старуха
Зубы скалит.
Обессилен весь от страха.
Гул и голос паровоза.
Надвигается угроза,
Катятся колеса,
Катятся колеса,
Катятся колеса,
Сейчас
Сомнут
И раскромсают на куски:
Ноги там, руки тут,
На ось
Намотаны кишки...
Грохот рядом! Кое-как
Вырвался из цепких рук,
Выскользнул из-под колес,
Покатился под откос.
Мимо прогрохотала
Длинная вереница металла.

Бурьян...
Голова гудит, как чугун.
Столб: 4222.

ПОТОП

*«Прошу расследовать. Скорее!
Все врачи – евреи,
Сторожка – шпионы,
Действуют сквозь стены
В лоб
Лучами рентгена.
Недаром я почти ослеп.
А в пятницу устроили потоп».*

(Из письма)

Распахнулись окна. Ветер
Раздувает простыни,
По волнам несет кровати,
Ударяет их о стены.
Вопли! Стоны!
Все матросы —
Альбатросы,
Стали сами
Парусами —
Сносит их от пристани,
По морю скачут шлюпки,
А в них гребут обрубки.
Маски их раскрашены,
Моськи все расквашены.

– Спасите! —
Кричит Бонапарт.
Бросили ему колоду карт.
А Спаситель
Руци горе воздел
И пошел по суху яко по воде.

Человек – огнетушитель
Заливает пеною!
Маршал – громкоговоритель!
Человек – вселенная!

Над ним летают утки
И судки,
Расстилаются бинты,
Заворачиваясь в банты,
Трубка клизмы извивается,
Как
Гадюка.
«Эвридика! Эвридика!»

Как из жопы,
Ветер дует.
Капитан командует:
– Эй, ребята-эфиопы,
Медсестру на абордаж!
Прыгай на восьмой этаж! —
От испуга

Все полезли друг на друга.
Ой-ой, нога – нога!
Ногой – по лицу,
Зубами – в ягодицу...

Тут вошел главврач
И произнес такую речь:
– БАСТА!
Все вернулось на свое место.
Но лишь 1001-й номер на носилках вынесли,
Не вынесли нервы – умер.

СМЕРТЬ ДЕЗЕРТИРА

- Дезертир?
- Отстал от части.
- Расстрелять его на месте.

(Растерзать его на части!)

Куст,

Обрыв, река,

Мост

И в солнце облака.

Запрокинутые лица

Конвоиров,

Офицера.

Там

Воздушный пируэт —

Самолет пикирует.

Бомба массою стекла

Воздух рассекла —

УДАР

Наклонился конвоир,

Офицер,

Санитар.

...еще живет.

...нести.

Разрывается живот,

Вывалились внутренности.

Сознания распалась связь...
Комар заплакал, жалуясь.
Вьется и на лоб садится,
Не смахнуть его с лица...

По участку ходит мрачен,
Озабочен:
На доме прохудилась крыша,
На корню
Засохла груша,
Черви съели яблоню.
Сдох в сарае боров,
Нет на зиму дров.
А жена? Жена румяна —
На щеках горят румяна,
Она гуляет и поет —
Никого не узнает.
Говорит: «Чудные вести:
Пропал без вести,
Пал героем,
Расстреляли перед строем!»

Взял молоток,
Влез на чердак
И от злости
И тоски
Загоняет гвозди
В доски,
Всаживает

В свой живот.

Что ни гвоздь,

То насквозь.

Нестерпимая резь.

– Ай!

– Ой!

– Смотри: еще живой.

– Оставь, куда его нести,

Вывалились внутренности.

(Комар не отстает, звеня.)

– Братцы, убейте меня.

ЗЕМЛЯ

Полдень. Пыль. Удары.
Разрыты горы.
Экскаваторы – чудища!

Вдвоем, уединения ища,
Пришли на кладбище —
На козье пастбище.
На могилу прилегла она:
Чулки из нейлона,
Косматое лоно.
Узкогруд,
Худ Он.
Нервно возбужден.
Руки дрожат.
Она ждет:
– Ну!..
Что-то бормочет,
Пунцов от досады.
Она над ним хохочет.
Зной на них течет.

Зыблются ограды,
Памятников груды.
– Ушел.
– Убежал!

Летит одуванчиков пух...

В лопухах

Возник

Козел:

– Бе!

За рога притянула к себе.

Щекотанье меха – брюха...

Задышается от смеха,

Зарычала глухо

В упоении греха...

Мясисты

Листья

Лопуха...

Под дерном застонали кости

От зависти

И злости.

Рычат моторы.

Экскаваторы

Землю грызут.

Отдается сразу

Всем она!

В воздухе летают семена...

Женщина

Растрезана и смущена,

Красным солнцем освещена

По земле идет, ступая,

Как пьяная или слепая,

Туда —

Где спутались шоссе и корпуса,

Столбы и волоса.

Репейник ей вцепился в провода.

РАДИОБРЕД

Лежа, стонет.
Никого нет.
Лишь на стенке черный рупор.
В нем гремит народный хор.
Дотянулся, дернул шнур!
Вилка тут, розетка там.
Не верит своим
Ушам:
Шум,
Треск,
Лязг металла.
Радио забормотало:

«Последние известия.
Экстренное сообщение!
...На месте
Преступления.
...Большинством голосов.
...Градусов
Мороза.
...Угроза
Атомного нападения
Эпидемия...
Война...
Норма перевыполнена!»

Снова хор. На фоне хора
Соло авиамотора.
Рев
Реактивной авиации.
Взрыв
Оваций!

Больной глядит остекленело.
Рука
Судорожно сжала одеяло.
Из дверей – издалека
Показался некто.
– Доктор!
– Надо
– У меня проверить гайки.
Диктор:
«Лунная соната.
Исполняется на балалайке».

ВОЙНА БУДУЩЕГО

Взрыв!

...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

...

.....

.....

...

...

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Жив!?!

«ОБЕЗЬЯН»

*— На что жалуетесь, гражданка? —
Была одна баба бойкая, а тут будто
язык отнялся. Стоит, плачет —
ничего сказать не может.*

*— Дай ей новую квартиру и десять
тысяч от моего имени.*

(Из народного фольклора)

Вышла замуж.

Муж, как муж.

Ночью баба

Разглядела его, по совести сказать, слабо.

Утром смотрит: весь в шерсти.

Муж-то, господи прости,

Настоящий обезьян.

А прикинулся брюнетом, чтобы значит,

Скрыть изьян.

Обезьян кричит и скачет,

Кривоног и волосат.

Молодая чуть не плачет.

Обратилась в суд.

Говорят: нет повода...

Случай атавизма...

Лучше примиритесь...

Не дают развода!

Дивные дела! —
Двух маргышек родила.
Отец монтажник-верхолаз
На колокольню Ивана Великого от радости залез
И там на высоте,
На золотом кресте
Трое суток продержался, вися на своем хвосте.
Дали ему премию —
Приз:
Чайный сервиз.
Жена чего не пожелает, выполняется любой ее каприз!

Что ж, был бы муж, как муж хорош,
И с обезьяной проживешь.

РАЗГОВОРЫ НА УЛИЦЕ

Жена моя и теща
Совсем сошли с ума
Представь себе
Сама
Своих двоих детей
Нет главное – коробка скоростей
У нее такие груди
На работе мы не люди
Она мне говорит
А я в ответ
Она не отстает
Я – нет и нет
Оттого что повар и
Перепродает товары
Еще увижу с ним – убью
Мать
Твою
Уважаю, но отказываюсь понимать
Да что тут понимать
Сделала аборт
В ресторане накачался
Не явился на концерт
У бухгалтера инфаркт
Присудили десять лет
Смотрят а уж он скончался

Я и сам люблю балет.

НОЧЬ

Уберите, уберите нож...
Он хороший человек, он хорош...
Одно неладно: в голове дыра...
В атаку, сволочи,
Ура.
Вася?
А?
Не кричи
И не храпи.
Спи...
Милая, люблю тебя,
Всю тебя...
Оставь,пусти меня, не надо...
Надо!
Надо, надо, надо!
Вера, Ира, Лида, Ада...
Рикошетом в угол —
Гол!
Лезьте все на небо!
Жаба...
Прошу тебя, прости.
Люблю...
Корень из бесконечности
Равен нулю...
Не храпи – опять храпишь!

Спи.

Спишь?

ПРЕМЬЕРА

Начинается премьера —
Драма Шекспира,
Мольера
И Назыма Хикмета.
Героиня Джульетта,
Дочь короля Лира,
Любит слесаря Ахмета.
Ахмет не любит Джульетту.
Ахмет встречает Анюту...
В эту самую минуту
Побелела, как стена,
Крикнула: «Боюсь отца!»
Публика накалена.
Режиссер волнуется.
Дело близится к развязке.
Вот Джульетта в черной маске...
Отравлена Аня!
Ахмет ее за это...
Зарезана Джульетта,
Король казнит Ахмета.
Не выдержали нервы —
Режиссер схватил рапиру,
Бросился на сцену.
— Варвар!
Одним ударом

Покончил с Лиром.
Сам
Охвачен пафосом —
Продолжает монолог
Оскорбленного отца.
(Публика беснуется)
Вдруг
Провалился в люк.
(Публика неистовствует)
Справедливость торжествует.
И хохочут фурии
В храме бутафории
И визжат эринии
У трамвайной линии.

СТОЛИЦА

Десять миллионов
Магазинов,
Ресторанов,
Министерств, контор, заводов,
Поездов и пароходов,
Самолетов.

Вибрирующий звук.
Ток.
Ритм напряженно убыстренный.
Вчера:
«Ура, молодожены!»
Был внимательный и робкий.
А сегодня вместо пробки
Жену включил
В сеть —
Электрический разряд!
А соседи
Говорят:
– Ты вредитель.
– Он убийца, я свидетель!

В милиции тупые лица:
Переполнена тюрьма,
Перегружены больницы,

Сумасшедшие дома.
Вернулся в комнату свою.
А там
Вселяют новую семью —
В дверях торчит буфет углом.

Ни крова, ни сочувствия.
Напился до бесчувствия.

Вот его квартира!
Вот его кровать!
На кровать наблевать!
Лег поперек тротуара.

Над ним,
Кругом
Идут бегом,
Мчатся десять миллионов
Магазинов, ресторанов,
Министерств, контор, заводов,
Поездов и пароходов,
Самолетов.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ ПОХОРОНЫ

На каланче кричат вороны.
Умер начальник пожарной охраны!
Красная телега
Везет бидоны из продмага.
Футбольная команда
Несет пожарный инвентарь.
Погиб вратарь —
Искусный бондарь,
Последний в городе кустарь.
Оркестр из клуба
На кладбище провожает дирижера.
Жарко.
Рявкает труба.
Машина катит без мотора.
Пыльно.
Рявкает труба.

Проявляя беспокойство,
Озирается начальство:
В магазинах – пусто —
Вместо
Хлеба – водка и спички...
Из печки
Вылетела искра.
Запылала занавеска.

Дым валит из трех окон.
Пожары с четырех сторон...

Над могилой произносят речь:
– Имущество надо беречь.
Пусть каждый житель
Приобретет огнетушитель...
Все громче карканье ворон.

ЗНАМЕНИТЫЙ ХИРУРГ

Хирурга
Вызвали из морга.
Что там?
Вертолет подкатил к воротам.
Последние рукопожатия,
Объятия,
Отплытие.
Оркестр
Играет фугу «Красный крест».

Тяжелое ранение
В лесу – в далекой области.
«Начинается гниение
В области
Брюшной полости».
Приближенье парохода,
Самолета,
Парашюта. —
В воздухе раскрылся макинтош.
Врача встречают на пороге
Провинциальные коллеги.
Больного сунули под нож.
Врач в лесу – в далекой области
Проявляет чудеса доблести;
Под лампой занавешенной

Оперирует, как бешеный.
Разрубил больного топором —
Пополам!

А больной говорит:
Я сейчас в бреде.
Больной говорит:
Я сейчас приду,
Продолжайте операцию без меня...

Сегодня
Герой
Возвратился в столицу,
В свою больницу.
Пафос встречи.
Вот отрывок из его речи:
«...Скверно!
Диагноз был поставлен неверно.
Но, вообще, операция челюсти
Не лишена своеобразной прелести».

ИКАР

Скульптор
Вылепил Икара.
Ушел натурщик,
Бормоча: «Халтурщик!
У меня мускулатура,
А не части от мотора».
Пришли приятели,
Говорят: «Банально».
Лишь женщины увидели,
Что это – гениально.
– Какая мощь!
– Вот это вещь!
– Традиции
Древней Греции...
– Сексуальные эмоции...
– Я хочу иметь детей
От коробки скоростей!
Зачала. И в скорости
На предельной скорости,
Закусив удила,
Родила
Вертолет.
Он летит и кричит —
Свою маму зовет.
Вот уходит в облака...

Зарыдала публика.

ТАКОВО ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ
ИСКУССТВА!

Раскланялся артист.

На площади поставлен бюст —

Автопортрет,

Автофургон,

Телефон-

Автомат.

ДВА ПОЭТА

На дороге
Волочится воловья шкура.
В овраге
Лежит ободранная туша,
Ноги кверху задраны,
На осине голова.
Глазеет бритая сова.
К реке идет Сапгир и Холин.
Смеется филин
Над простофилями.
Овечья шкура удаляется,
Под ней лопатки
Выделяются,
Четыре палки
Передвигаются.
Поэт Холин заявил:
«У меня возникло подозрение,
Что это – обман зрения».
Но, по мнению Сапгира,
Эта шкура
Не собачья,
Это человеческая
Кожа, из которой шьют перчатки,
На пятки ставят заплатки,
Вьют спирали

На электроплитки;
Пергамент, на котором
Вырубают правила морали
Топором!.....
А корову все же ободрали
Несмотря на прописи морали.
Хохочет Холин,
Хохочет филин,
Хохочет эхо.

Бычья шкура лопается от смеха.
И в лесу становится тихо.

ГРУЗИНСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

Грузин
Зарезал армянина.
Армянин – враг,
Прокурор – друг,
Адвокат —
Брат,
Заведующий магазином
Друзьям рад.
За бутылкой Гурджиани —
Цинандали, Тибиани,
Хванчкара, Вазисубани,
Что-то мутное с Кубани,
Снова ящик Цинандали
И так далее...
...и Марину и барана!
– За здоровье армянина!
– Ты мене друг, враг?
– Я тебе брат, Брут.
– Русским не простим обиду!
– Грек
Воюет за свободу!
– Суд – хороший человек.

ПЕТР И КЛЕОПАТРА

Зал кинотеатра.
Драма ПЕТР И КЛЕОПАТРА.
На полотне вместо
Петра —
Пустое место.
Рокочут трактора —
С фонарями ищут Петра.
Венера в ожидании
Тюремного свидания.
Входит Петр
Небрит.
Говорит
Адвокат:
«Обратите внимание
На форму черепа —
Репа.
Подзащитный от рождения
Был невинен, как жопа».
Крики:
– Мы не дураки! —
Дамы в обмороке.
У Верховного судьи
Вырос
Волос
Метра

На три.

– Это что за пугало? —

Мода: все обриты наголо!

Актриса

Лыса.

В темпе скерцо

Сделал предложение

Руки и сердца —

Потерпел поражение.

С горя вырвал на себе все волосы

И удалился за кулисы.

Снова человечество

Ждет: еще чудачество.

В небо трубами – орган.

Играют фугу Баха.

У конференсье из уха

Вырастает половой орган.

Вопль из партера.

Автор трубит отступление...

Петр и Клеопатра

Маячат в отдалении...

Зал в недоумении...

Ни фантазии, ни смысла.

Судьи, улыбаясь кисло,

Смотрят тем не менее.

МОРОКА

В тумане леса —
Голоса,
Аукаются бабы,
В кустах старуха шарит палкой.
Между пальцев ног выросли грибы.
Под елкой —
Красная фуражка железнодорожника.
– Поди сюда, овечка, —
Вышли из орешника —
Кличка —
Электричка.
Вдруг овечка загудела и заржала
По рельсам побежала.
Туман рассеялся – и лес
Исчез.
На равнине
Одни
Пни,
Озеро
Посередине.
Скрежет бульдозера,
Чавк экскаватора.
Станки без звука
Рвут кого-то.
Завод погружается в болото...

Из трясины —
Волосины,
То ли сук, то ли рука,
То ли хер проводника.
На дереве сидит сорока.
И не кончается морока.

МУЖ И ЖЕНА

– Абстракционизм, гав, гав!
– Мяу, милый, ты не прав.
– Рабин Оскар —
Экспрессионизм, кар, кар!
– Слыхали,
сюрреалиста Дали
распяли
на электрическом стуле...
– А Леже в музейном зале
растерзали
экскаваторы!
– Я же говорю,
что реализм, хрю, хрю...
В это время
Двери открываются,
Незримо появляются
Генрих и Римма.
Генрих говорит: «Комната не та!
Что это за сборище
Спорящих товарищей?»
Римма говорит: «Это наша комната.
Тут один человек:
Наш пес Джек».
К выключателю – рука!
Однако

Спит собака.

«Потуши свет!»

«Слышишь, баранье бляенье?»

– Безупречное наше собрание...

премии —

безусловно, Академии!

Заскрежетали стульями,

Аплодисменты, звон бокалов...

Ударили в колокола!

Бегут с кольями...

– Вышибай колом из рам

этот срам!

В окна, в двери

Экскурсовод вопит: «Горю!..»

– Реализм, хрю, хрю...

– Растерзали экскаваторы...

БОРОНА

Бригадиру
Понравилась доярка Вера —
И не Вера, а корова —
Не корова, а изба —
Посреди двора четыре столба.

Настал Покров.
Бригадир Сергей Попов
Справляет свадьбу и поминки —
Свадьбу с Веркой, поминки по Нинке!
В клубе жарко.
Доярка Вера
Подскочила к трактористу из соседнего села,
Будто в ЗАГСе не венчалась,
Будто в церкви не была.
Под звуки джаза
В пляс пошла коза
С медведем
На смех людям.

Жениху – обида,
Что и говорить...
Ночью вышел покурить...
Земля вспахала тракториста,
Живого места

Не осталось!

На снегу борона – зубья вкось,

Рыбья кость!

МЕТЛА И ТОПОР

Хозяйка горницу мела

Топором.

В это время к ней пришла

Метла.

(При ближайшем рассмотрении оказалась жором уха —
Ухажором.)

В обществе двух кошек

Пьют из чашек

Валерьянку.

Крик и чад.

Вдруг стучат:

– Кончайте пьянку! —

Банку спрятала за печку

И сказала человечку:

– Не шуми...

Горенка наполнилась людьми,

Белая наполнилась людьми,

Милая наполнилась людьми.

Посередине – муж-великан

(с уваженьем к его кулакам).

Муж не пьяный – хуже – злой:

«Кочергой или метлой?»

Вдруг как выпрыгнет метла —

И пошла
Дубасить мужа.
Топор стоял на страже.
Народ глазел снаружи,
Как
Отплясывали трепака,
Пока
Не изломалась палка.
Сам как метла: вихры да нос.
Бабе мужа стало жалко.
– Купим, Ваня, пылесос.

ШЛЯПА И КРОЛИКИ

Рыжая шляпа
На солнцепеке
С бабами торгуется.
Курицу – за ноги,
Кроликов – за уши.
«Заячьи вы души,
Гляньте-ка на небо.
Видите: сияет
Зеленая бутылка!»
Шляпа скалит зубы.
Бабы лущат семечки,
Шелухой плюют
На шляпу.
Шум на базаре.
Два инвалида
Третьего ищут:
– Выпьем?
Выпили и повторили.
Шляпа жмурится на солнце,
Соломинку жует.
– Кто ты есть?
«Учитель здешний».
– Объясни мне, друг сердечный,
Отчего мы любим водку,
Почему нас любят бабы?

А, не знаешь!.. Эх ты, шляпа!

(Шляпа усмехается.)

Оттого мы любим водку,

Чтобы крепче баб любить.

Потому нас любят бабы,

Что мы любим водку пить.

А когда не станет водки,

Будем жрать

Денатурат.

– Слышь, профессор кислых щей,

Не учи учителя...

И единственной клешней —

По уху приятеля...

Двое возятся в пыли,

Третий ухмыляется.

А вверху на проводах

Костыли

Качаются.

МАНЕВРЫ

Серые шинели
Вышли из тоннеля.
Выстрелила пушка.
За лесом задымила самоварная труба.
С неба
Сыплется картошка.
За домом дом
Бомбят квадратно-гнездовым
Методом!
На дороге дым —
Разнесло повозку с ездовым...
Бегут вперед,
Ползут назад.
А сержант полез в тоннель —
Сдали нервы,
Уши вылезли на лоб.
Штатский смотрит на маневры
В перископ:
Пожар на птицеферме!
За черными
Леггорнами
Бежит петух без головы.
Рвутся дымовые шашки.
Прячьте головы
В РОМАШКИ!

Это вам не шутки —
Нюхать НЕЗАБУДКИ!
...И во весь горизонт —
САПОГИ И ЗАД.
– Вставай, сержант.
– Оглох?
Поднялся из травы
Петух
Без головы.
Пастух трубит в деревне.
Окончились маневры.

ГЕРОСТРАТ

На улицах иллюминация.

– Это Афины?

– Нет, не Афины.

– Это Венеция?

– Нет, не Венеция.

Тут на башенках антенны,

На колоннах микрофоны.

Музыка играет,

Публика гуляет,

Пьяные горланят,

Подростки хулиганят.

Юбка выше

Колен,

Проститутка в нише

У колонн.

К террасе ресторана

Подъехала машина.

Глядя на море, мужчина

Женщине сказал солидно:

«Настали дни спокойствия и мира,

Это очевидно».

Женщина сказала:

«Сыро.

Хочу шампанского и сыра».

В темноте завывла сирена.

Кто-то вышел из вагона.

– Говорят:

Герострат

Поджог

Рейхстаг!

– Где горит? —

Спросила:

– Около вокзала?

– Нет, – сказал мужчина, – это
Совсем не в нашей части света.

УРОК

– Кто эта красавица?
– Говорят, певица.
Да, она – актриса.
Едет на гастроли.
Каюта первого класса
В семилетней школе.
Звонок.
По коридору топот ног.
Разодранная карта
И хаос парт у борта.
Катастрофа! Фортепьяно
Тонет в волнах океана.
Нина не растерялась, она
Прыгает в холодную воду.
Идет ко дну.
Достигла дна —
И возвращается к народу.
Навстречу тянутся ручонки.
Учительница Нина
Показывает в банке
Тритона.
(А сама на юге где-то
Вышла замуж за поэта.
Муж свиреп, как порох.)
Трах!

Нина выронила банку —
И тритон полез на стенку.
Смеются дети. Море сине.
Цветы и речи – героине!
Перед толпой на пристани
Она поет отрывки из оперы Кармен...
Она
Хозе
Бросает розу —
Влюбился сразу
Капитан!
Зал аплодирует. Елена
В толпе завидует: мужчина
Подругу на руки берет.
Во весь экран – глаза и рот!
Затрепетала Нина
В руках у капитана.
Гудит гудок, звенит звонок.
Прощай, капустный городок,
Где нет ни моря, ни театра —
И только сны томят под утро!..
Дети окружили Нину
И бегут на перемену.

КЛЕВЕТА

Напечатали в газете
О поэте.
Три миллиона прочитали эту
Клевету.
Незнакомцы,
Незнакомки,
Шлют поэту:
Анонимки:
– Спекулянт!
– Бандит!
– Убийца!
– Печать не может ошибаться!
– А еще интеллигент...
– Справедливые слова.
Общественность – она права. —
Сказали чукчи и эвенки.
Редактор не подал руки...
Друзья-интеллигенты
Поэту принесли венки
И траурные ленты.
А поэт пропал без вести
Говорят,
Уехал в гости.
Ни покаяния,
Ни завещания,

На двери
Три
Буквы —
На прощание.
На окраине Москвы
На шоссе
И в лесу
Поутру
По росе
Идет бандит и спекулянт:
Каждая росинка – чистый бриллиант!
Хорошо убийце
На зеленом лугу!
В солнце
Лес дымится
На другом берегу.
Посвистывает птица —
Газеты не боится!

БУТЫЛОЧНЫЙ ПЕЙЗАЖ

На острове
В густой траве
Стоит дощатая палатка.
Перед ней – бидон и лодка.
На откосе острова
Два заезжих рыболова
Пьют бутылочное пиво.
На песке блестят осколки.
По волнам плывут бутылки.

– Клюет?

– Не клюет.

Артист

Поет.

Приятель носом клюет,

Храп и свист

Издает

В три

Ноздри.

– Смотри,

– Клюет!

– Артист!

– Поет!

Пьют с утра.

Жара.

В палатке
Закрыты ставни.
Приехал
Хахаль
Из деревни
На моторной лодке.
На прилавке —
Поллитровки.
На стене стучат часы-ходики.
– Эх, ехал Жора
На пароходике!..

Жара.
В бутылках киснет пиво.
Уснули оба
Рыболова.
Из травы торчат носы.
Проплывает мимо рыба,
Усмехается в усы.

АНЕКДОТ

У черты
Цивилизации
Расцвели кусты
Акации.

У черты цивилизации
Представитель древней нации
Просит помощи
При помощи
Жестикуляции:
– Что мне это место,
Лопухи-репейники!
Эти люди просто
Казаки-разбойники!
Сара!
Посмотри, сколько мусора!
Вы видели такого агрессора?
Он говорит, что я – эксплуататор!..

Между тем
Из леса
Вылез
Экскаватор.
Сгреб
Ковшом

Киоск.
Хлоп!
Торчат из пасти доски.

Ни киоска,
Ни Абрама,
Ни акаций —
Ни черта!
Прямо —
Серая черта.
Кинотеатры и дома,
Кинотеатры и дома.
– Пойдите, вы сошли с ума!

Трах! —
И нет цивилизации.
Снова – заросли акации.

Природа – храм.
Из храма
Вышел Авраам:
– Сарра, посмотри, находка,
Это же как раз
Для нас...
Из земли торчит лебедка,
Проволока
И унитаза.

УТРЕННЯЯ ФИЛОСОФИЯ

Философ-
Теософ
Встает в шестом часу утра.
Поет на солнце, на воде
Мошкара.
В шесть часов
Теософ
Растворяется в природе.
Исчез...
Шумит зеленый лес!
И сотни
Солнечных
Полос
Его лужайки бороздят.
Козлы
Траву его едят.
Соорудив кривые козлы,
Два фавна
Режут поперек
Бревно.
Оно
Кричит от боли!
И зубы скалят
Два козла.
А мотыльки,

Жуки
И птицы —
Вся мошкара,
Как мишура,
В лучистом солнце шевелится...
И раздираемый на части
Лежит философ-
Теософ,
На припеке грея кости.
Сквозь дыры ветхого носка —
Нога
Чернее сапога.
Все – благо!
Истинный философ
Чужд
Семейных интересов.

НОЧЬ

На Тишинском рынке ночью —

Тишина.

В Замоскворечье —

Ни души.

И на площади Свердлова

У колонн —

Никого.

Иду к заводу Лихачева.

Ни Лихачева,

Ни завода —

Вода

И больше ничего.

Лишь собака лает где-то

Возле Университета.

БЛОХОМОР

В канаве выросли блины
Поядовитей белены —
Блохомор!
Самосвал
Забуксовал.
Заглох мотор.
Полез
Шофер —
И глядит из-под колес.
Прелью шибануло в нос!
От запаха цветов
Выворачивает наизнанку!
Готов!
Шофер полез на стенку:
– Открытие!
Событие
Всемирного масштаба!
Свезу-ка этих желтеньких,
Спасибо
Скажет баба. —
И наломал ботаник
Веник.
Едет парень с веником,
Веник пахнет пряником.
Принес в барак.

Тут поднялся шум и крик!
Люди пляшут и поют —
На работу не идут...
Так, отведав блохомора,
Две недели
Мы гуляли
На поминках у шофера.

Люди врут,
Что блохи мрут.

АУ-АУ

На стене детской больницы:

Андрюха – сын мой...

Мама, ау-ау! —

И нарисован

Человечек.

«Передачи

Больным детям

Принимаются...

Вторник,

Пятница...

Посторонним

Вход

Воспрещен».

Андрюха – сын мой,

Ау-ау!

ПОСЕЩЕНИЕ

Ночью
Собрались в амбаре.
Всякой твари
По паре.
Архангел протрубил в трубу!
И вот посередине —
В исковерканной автомашине —
Сидит Христос —
Очки на лбу.
Живой Иисус
Читает лекцию
О боге
Ругает местные дороги,
Автоинспекцию,
Начальство
И налоги...

В общем, было решено,
Что на свете жить грешно.
Под знамена старой веры
Встали пенсионеры.
Запели на мотив «Катюши»
Псалм «Очищение души».
Глаза на лоб —
У Верки-дурочки!

Посередине —
На иконе —
Автомобильные очки!
В полутьме амбара
Засияла
Фара!
Толпа шарахнулась, заголосила...

Сказал, прощаясь, лектор
Виктор:
– Ждите страшного суда
Скоро.
Но вместо голода и мора
Сюда
Пришлю я прокурора!..
Автомобиль задрал
Нос,
Дал
Газ,
Петровну зацепил крылом,
Полез
В пролом.

– Христос, скорей! —
Кричали все.
И видел пьяный возле клуба,
Как бог
Летел
На колесе,

Возносясь

В ночное небо.

БЫК

Подслеповатый Цыферов
На площади пасет
Коров.
– Куда тебя несет,
Холява?
Под троллейбус попадешь! —
Улыбается корова.
Гена высунул язык.
Тут к нему подходит бык.
Этот бык миролюбиво
Предлагает выпить пива.
Зашли в соседнюю пивнушку.
Бык выпил кружку.
Окосел.
Стучит о стол
Своим хвостом
И требует долива
Пива.
– Ах ты, говорит, корова!
Подбоченилась торговка.
Появилась поллитровка.
Выпил бык —
С ног
Брык!
Лежит

В луже,
Лижет осколки
Бутылки.
А Цыферов,
Обняв быка за шею,
– Я, говорит, страдаю!
– Я, говорит, тебя сейчас забодаю!
– Мы, говорит, мы-ык!
И потрясенный бык
Рыдает,
И звезды падают,
И спутники
Летают,
И совещаются преступники.

БОРОВ

Сидоров
Решил зарезать борова.
Боров
При виде Сидорова
Все понял —
Закричал от страха.
Побежал,
Волоча по снегу брюхо.
Сидоров – за ним:
– Убью,
Мать твою!
Боров
Припустился вдоль заборов.
Верещит отчаянно.
Удирая от хозяина,
Сало
Забежало
Во двор Егорова.
Сидоров и Егоров
Ловят борова.
Сидоров со свиньей
Разговаривает,
Держит нож за спиной,
Уговаривает:
– Мой хороший,

Мой родной...
Егоров по башке – поленом!
Хряк
Брык
В снег.
Сидоров прижал коленом
Брюхо,
В душу погрузил клинок,
Располосовал от уха до уха!
Вот как у нас!..
Кровь хлещет в таз.
И лежа в луже крови,
Похрюкивает боров.
Доволен другом Сидоров —
Помог ему Егоров.

ИВАН И ДИВАН

Чудо!

В городке открылась «Мебель и посуда».

Иван

Купил диван-кровать,

Чтобы с женой вольготней спать.

У забора грузовик.

– Ничего, говорит, я привык.

Тут народ помог

Ивану,

Взвалил диван

Ему на спину.

Идет Иван.

На нем – диван.

Жара.

Гора.

Барак.

Река.

До села – рукой подать —

На тот берег.

А до моста —

Верста...

У воды

В песке – диван.
На нем – Иван.
Тут же водка и закуска.
Трясогузка
Цвирк —
И села на диван.
Брысь —
Прогнал ее Иван,
Перышко смахнул с обивки...
С откоса увидали девки:
Иван и диван
Переходят реку вброд.
Поплыл диван!
Бежит народ!
Спасен
Иван
Утонул диван.

– Без дивана нам не жить! —
Голосит жена Ивана.
Вся изба разорена.
Мужик
Напился самогона,
Начал песни распевать:
– Пропадай, диван-кровать!

ПАУК

Паук

Яков Петрович

Висел в углу уборной.

Человек

Яков Петрович,

Покакав,

Разразился речью бурной:

– Я человек!

Я представитель человечества!

А ты – паук.

Как ты смел присвоить имя-отчество?

– Я человек, —

Сказал паук. —

– Ах так!

Так значит, я – паук!

Яков Петрович

Полез в паутину.

Яков Петрович

Вернулся в квартиру,

Представьте женщины испуг.

Жена глядит:

Сидит

Паук.

Молчит.

Надут,
Как Высший суд.
Звонок
Жужжит,
Паук
Бежит.

Взгляните,
Он в учреждении.
Висит в отдельном кабинете.
Натянулись нити.
Все пришло в движение.
Забегали секретари.
На прием
Пришли цари.
Дверь —
На крючок.
Царь
Садится на толчок.
А в углу – паучок
Яков Петрович.

Он говорит царю,
Заплакав:
– Я вам клянусь, как рыцарю!
Я – не паук.
Я – человек.
Я вам серьезно говорю!
Вот я,

Вот вы,

Вот кабинет.

А пауков

На свете нет.

СУД

Беседую, как с другом,
С Богом.

Но верю лишь своим
Ногам.

Они несут меня, несут

На площадь —

На Великий Суд.

– Что случилось?

Кого собираются вешать?

Отвечайте же скорее!

– Говорят,

Казнят

Еврея.

Спрашиваю одного героя:

– Неужели всех

Врачей? —

(Смех)

– Рабиновича?

Рабиновича.

– Абрамовича?

– Абрамовича.

– А Гуревича?

– И Гуревича

И Петрова Ивана Петровича...

Покосился этот тип.

Холодный пот
Меня прошиб.
– Ты сам, случайно,
Не сектант?
Товарищи,
Интеллигент! —
Тут окончилась война,
И началась такая бойня,
Что даже Бог —
Мой лучший друг —
Никого не уберег.

У Бога есть один дефект:
Его смущает интеллект.

БУНТ

Живу, дышу. Чему я рад? —
Материализованная
Нелепость,
Систематизированная
Глупость,
Отлично налаженный
Агрегат...
В кабинете дремлет Бог.
Из трубки —
Дымок.
Предусмотрены ошибки.
Гитлер выкинул коленце!
Ученые
Работают, как заключенные!
Равнодушно смотрит Солнце.
Народ,
— Спасибо, говорит,
Виновники! —
Любовники,
Не переводя дыхания,
На последнем издыхании
Хотят уплыть
И раствориться...
Но это — плоть,
Как говорится.

Если бы я только мог!
Бунт предусматривает Бог.

В РЕСТОРАНЕ

Стол

Похож на белый стул.

Бокал

Похож на унитаз.

Мой нос

Похож на множество носов.

И на меня похож

Мой собеседник Носов.

А гладкие рожи

Похожи...

И губы соседки

Похожи...

Я пьян?

Нет, я в своем рассудке.

Сравнения бывают и похуже...

А ресторан

Похож на сон.

Пьяный гам

С джаз-оркестром пополам

Удивительно похож на шум.

Офицер

Похож на официанта,

Швейцар

Похож на лейтенанта.

Мы все похожи друг на друга:

Друг
Похож на врага,
Враг
Похож на друга.
Ненависть похожа на любовь,
Вино пролитое – на кровь.
И только нож
Похож
На нож.

КАК УКРАСИТЬ СВОЮ КОМНАТУ

Возьмите Лайф и Огонек
И на стенку
Клейте смело
Картинку,
Обложку старого журнала,
Рентгеноснимок
Со звезды
И снимок
С кинозвезды.
Улыбается приятно.
Приклейте рядом
Аккуратно
Географическую
Карту,
Анатомическую
Морду,
Статью
«Последствия аборта»,
Афишу
«Детские поэты»...
Не вижу
Бороды Фиделя Кастро.
Быстро
Все переиначьте!
Присобачьте

Бороду на самом видном месте
Месте!

В лоб актрисы вбейте гвоздь —

И на гвоздь

Пейзаж повесьте.

Хорошо теперь!

Видна

Вся ненецкая страна.

Пестро сплошь —

Даже двери

Не найдешь.

И со стен десятки глаз

Весело глядят на вас.

ПОЭТ И МУЗА

Собралась компания —
Литобъединение.
Поэт на стол залез.
Вокруг расселись
9 муз:
Кроме музыки
Музыки —
Муза
Физики,
Муза
Математики,
Муза
Электроники,
Муза
Кибернетики,
Муза
Бионики,
Муза
Космической войны,
Муза
Общей тишины
И девушка по имени Муза.

– Стихотворение
«Завихрение».

Винт

Винтообразно

Ввинчивается...

Фса, фсса, ффссса!

Музы: – Мало пафоса.

Поэт: – Продолжать дальше?

Музы: – Продолжайте. Больше

Фальши.

Поэт: – Винт завинчен до отказа.

Тормоза.

Рванул

Реваноль.

Боль!

Моя голова!

Не крутите слева направо!

Крац.

Крец.

Свинтил ее подлец!

Зараза!

Конец...

Девушка по имени Муза:

– Прекрасное стихотворение!

Поэт: – А ваше мнение?

– Вздо-о-ор!

Гласит античный хор.

Поэт превращается в белку,

Прыгает на книжную полку.

Говорит об ощущении,

О том,

Что современность – это фантом...

Музы выражают свое возмущение.

Поэт:

– Нет,

Никогда я не был дилетантом!

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Температура 36 и 6.
Ура! – хочется есть.
Я окреп.
Я понимаю, что значит суп —
Это укроп.
Дверь,
Открытая во двор,
Пахнет холодом и снегом.
Иду,
Любуюсь небом.
Меня качает на ходу.
Город выпил сладкой водки.
Все красивы, как татары.
Сквозь решетку
Ветки-прутья
Терпкой горечью микстуры
Вяжут рот. —
Спасибо, братья!
Жить хочу! Дышать хочу!
Хочу идти, куда хочу!
Пойду к приятелю Игорю Сергеевичу!
Или —
В гости к Вале, Оле, Гале,
К этой Инне – осетрине,
К незнакомой женщине!

Состояние собачье,
Настроение телячье...
Нет приятнее томления,
Чем выздоровление.

ЩУКА

(басня)

Какая мука!
Страдает Щука —
Щека
Рассечена крючком.
Лампочка —
Под потолком.
Сидя, женщина уснула.
И Щука валится со стула
Ничком.
Щука бьется, как рыба об лед.
Щуку тошнит, Щука блюет.
Ох, как рыбоньке нехорошо!
Без водки ей, как без воды.
И – дайте, дайте порошок!
Протоколы пишут – гады!..
В отделении милиции
Крысы хвост отъели...
Еле-еле
дышит Щука.
Будет наших помнить сука!
Не пойдет наука впрок.

Известно, пьянство – не порок.

ВОПЛОЩЕНИЯ

На бульваре, как в лесу.

– Разрешите папиросу.

– Ты что, с помойки?

– Не смотри, что в рваной майке.

Бригадир.

Со стройки.

Что ты зенками ворочаешь?

Ведь и ты – своя, рабочая...

– Смотри, свояк нашелся!

– Кум!

– Знаем вас. Давно знаком...

– Вот и познакомились!

– В ресторан зови куму.

– Что?.. Не пойму...

– Угостить, говорю, надо.

– Погоди... Ты откуда?

– Брось, опять связалась с нищим.

От него разит винищем.

– Каждый вечер ходим, ищем...

Гляди, пошел

Провинциал.

– Вы армянин

Или цыган?

– Я – пирог.

Несу творог.

– Ах, какой вы смуглый, сладкий!

Все клевала б да клевала.

Я курица.

Была чахоткой

И в чьем-то горле проживала.

Кашляла

Отчаянно,

Пережила

Хозяина.

– Не помрешь – не проживешь.

Даже вошь —

Моя знакомая, и та —

Полуодетая —

По целым дням в постели.

«Все, говорит, суета».

Сигаретою бы, что ли, угостили!

– Да, везет им,

Паразитам.

Кем я только не рождался,

Все трудился.

Убедился:

Суть одна.

Зря наводишь камуфляж —

Виден хвост и фюзеляж!

Из-под юбки трикотаж!

Так разговаривали твари

Ночью на Цветном бульваре.

СОН НАЯВУ

Из конверта
Лезет морда
Леопарда.
На окне – решетка!
Некуда податься!
Может, это – чья-то шутка?
Только не пугаться,
Только не пугаться,
Сохранять равновесие
Духа.
Поэзия,
Спаси меня от страха!

Умирая от мигрени,
Я
Написал стихотворение.
Ну и что ж?
Куда уйдешь
С листком тетрадки?
Предъявите
Документы!
Предъявляю.
Все в порядке.
Прохожу в апартаменты.
Это же – бомбоубежище!

Мне навстречу поднимается
Вежливейший служащий.
Лицо – печать!
Не отличить
От прочих лиц.

А на столе – невинный
Лист,
Из-под листа – крысиный
Хвост!

СОЛДАТЫ И РУСАЛКИ

Старшина привел солдат
На пруд.
С другого берега орут:
– О-го-го! Плывите к нам! —
Это девки из поселка.
– Старшина, мы – ненадолго. —
Отлучились за вином...

На лугу – гуляние,
А в лесу – свидание.
Кусты трещат.
Трусы трещат.
Солдат Марусю тащит
В чашу.
Везде – разбросанные вещи.
И порожняя посуда.
Свобода! Свобода!
Ефрейтор и Лида
Притихли в траве.
Он ее не выпускает,
И она его ласкает
По арбузной голове
Заскорузлую рукой.
Вдруг нарушил их покой
Крик:

– По команде становись! —

Выбегают из кустов бузины,
Лезут из воды,
Второпях
Надевают штаны,
Строятся в ряды.
В кустах
Ликует плач и смех...

Идут. Пылят. Поют в поселке.
Портянки плавают в пруду.
Очевидно, все русалки
Забеременеют в этом году.

СОЛДАТЫ НА ОТДЫХЕ

Вариант темы

Так называется картина
Художника Иогансона.

В музее пусто. Вечерет.
«Солдаты на отдыхе»
Величаво реют
В воздухе.
Тонким золотом отсвечивает пруд.
Из другой стены орут:
– Эй, ребята!
– Плывите сюда!
Это девичья бригада.
Скалит зубы рядовой.
Каждый волос, как живой!
И – пупырышками кожа
На фоне летнего пейзажа.

Сегодня в подмосковном парке
Культурное мероприятие.
Ткачихи с предприятия,
Доярки,

Пионеры,
Шахтеры
И пенсионеры
Плечом к плечу
Идут навстречу
Солнечным лучам.
Идут,
Идут.
Трубят!

Поют!
И уходят в плакат
На закат.

Остаются одни
Солдаты —
Живые анекдоты
В золоченой раме,
В опустелом доме.
Они беззвучно
Зубы скалят.
Им не скучно.
Зубоскалят.

Тишина...
Гаснет люстра.
На поляне
У потухшего костра
Нет солдат...

Залы спят...

КИРА И ГАШИША

Кира
Накурилась гашиша.
Не соображает ни шиша.
Смеется, заливается!

Иодковский удивляется:
– Кира!
Что с тобою, Кира?

Я – не Кира.
Я – Тамара!

Взвизгнула так,
Что другое полушарие
Ощутило биоток.

– Выключайте солнце!
– Начинаем танцы!
(Поехали китайцы, китайцы,
Китайцы.)

Эльвира
В образе японки
Смотрит на партнера —
Вора.

Улыбаются коленки:

– Хи!

Слабый пол

Свалился на пол.

Декламирует стихи.

Схватили вора.

Бьют Сапгира.

Обливаясь кровью, вор

Хохочет,

Клянется, что всех

Изувечит,

Как бог

Черепуху.

(Китайцы померли со смеху.)

Ура, китайские эмоции!

Продолжение – в милиции

Дело пахнет гашишом.

Гейша

Пляшет нагишом

На столе

Начальника паспортного стола!

Все тонет в волнах гашиша...

Лишь

Фигура Иодковского

Возвышается на площади Маяковского.

УТРО ИГОРЯ ХОЛИНА

На постели
Лежит
Игорь Холин —
Поэт
Худой, как индус.
Рядом Ева – без
Трусов.
Шесть часов.
Холин, закрыв глаза,
Сочиняет поэму
Экстаза:
– Му!
Ева
Лениво
Повернулась к нему:
– Холин, ты в своем уме?
– Мар!
– Мор!
Миру мир! —
Открылась дверь
Вошел Сапгир.
Индус приветствует приятеля:
– Здорово!
Сапгир, полюбуйся, как Ева
Красива!

У бедняжки
Груди —
Пушки.
Гляди,
Какая линия бедра
У ней в седьмом часу утра. —
Сапгир глядит,
Как троглодит.
Он
Поражен.
Мелькнул за углом...
Бежит в магазин...
Между тем
Игорь и Ева занялись тем,
Чем занимался с Евой
Адам.
Вернулся Сапгир, потрясает
Белоголовой
Бутылью.
Холин и Ева потрясают
Постелью.
Сапгира это потрясает!
Стекла окон сотрясает
Экскаватор.
– Тар!
– Тор!
Таратор!
Ева говорит: – Кошмар!
Холин: – Моя поэма.

Ева говорит: – Мама!

Исчерпана тема.

Холин зевает.

Сапгир выпивает.

Ева

Не говорит ни слова.

МАРТ

Воздух стал нежней
И чище.
Люди умирают чаще.
Во дворе больницы
Радуются
Птицы.
Сапгир чирикает,
Танцует, прыгает.
Ведет себя развязно
Пустая оболочка.
К ноге привязана
Дощечка.
Вы догадались.
Сапгир, конечно, умер давно.
Вы тоже веселились,
Пили вино.
Вдруг
Чашка выпала из рук.
Плывете в незнакомый мир.
Впереди плывет Сапгир.
Здесь некоторые вещи
Кажутся гораздо проще.
Например,
Тело
Свободно проникает в стены,

Скалы

И древесные стволы.

Не пьет и не ругается,

Свободой наслаждается.

Здесь хорошо!

В тени берез

Прогуливается

Туберкулез.

ПАМЯТНИК

Пьедестал.
На пьедестале
Стул.
На стуле
Всем на обозрение
Страшилище —
Влагалище
Косматится гривою гения.
Вокруг
Разбит цветник.
Приятель говорит приятелю:
– Это памятник
Писателю. —
Дебаты возле монумента.
Толпа окружила студента:
– Крикнул: Надоели!
Умер
На дуэли. —
Двое роняют на мрамор
Цветы.
– Люблю.
А ты?..
Поэты
Вышли из училища.
Поэты

Смотрят на влагалище.

Поэт сказал:

– Фигура гения

Во мне рождает вдохновение.

КИНОСЕАНС

В церкви выключили свет.

Люди ждут,

А света нет.

Зашумели зрители:

– Мы любви не видели!

– Сапожники!

– Тише вы, безбожники!

Безбожники внесли икону.

Осветила половину

Дома.

Сразу стало меньше шума.

Тут со сцены говорят:

– Прослушайте доклад

На антирелигиозную тему.

– Я раньше был

Священником,

Стал

Киномехаником.

Все, граждане, один

Обман...

Длинный свист.

Вскочили с мест:

– Врешь, картина

Без обмана!

– Тащи его за хвост

С экрана!

– Лови!

– Хватай его за холку!

Директор клуба втихомолку

Схватил жену киномеханика.

Она молчала, словно рыба.

В будке киномеханика

Хохотала Танька...

В общем, была паника!

В это время дали свет.

Стало ясно:

Бога нет.

БОГ

В густой траве валяюсь я,
Наслаждаюсь жизнью, как свинья.

Я

На собственном носу
Созерцаю муравья.

Ой, не вынесу

Щекотки!

Тело мне щекочут ветки.

Где кончаются ветки —

Начинаются пятки,

Где кончаются пятки —

Начинается голова.

А кругом растет трава,

И в траве валяюсь я,

Наслаждаюсь, как свинья.

Одной

Ноздрей

Обоняя ромашку,

Другой

Ступней

Почесывая ляжку,

Я размышляю о божье.

Я вытягиваю ноги

И теряюсь

В отдалении...
В размышлении —
Небо, облака,
Река.
Я —
Не больше муравья.

Букашка лезет на былинку.
Ветром сдуло паутинку.
Пушинка заползла в ноздрю.
Ноздря сказала сочно: хрю!
И в траве валяюсь я,
Наслаждаюсь, как свинья.

БУКЕТ

Науму Олеву

– Кто там?
– Это я. Привет. —
Ноль пришёл ко мне с букетом
Замороженных цыплят.
Меня смущают птицы,
У птиц такие лица!
– Одевайся поскорее.
Провырнёмся по «Бродвею», —
Предлагая голый веник,
Говорит мой ученик.
Что ж, пошли —
Два еврея:
Я и Ноль,
Я и моя зубная боль,
Я и 88!
Любопытные глядят,
Что такое мы несём?
Букет?
Цыплят?!
Девушки, глядите:
Это —
Цыплята,
Размышляющие о конце света,

Цыплята
С грустными глазами,
Цыплята
С длинными носами,
Которые носили
Талес,
Которые плясали
Фрейлехс,
Которых убивали в гетто.
Цыплячьи детские скелеты...
Так и гуляем:
Я и Ноль,
Я и моя зубная боль,
Я и красавец-тунеядец
С останками нелепых птиц.

МОЛЧАНИЕ (1963)

ПАМЯТИ ОТЦА

И времени больше не стало...
Это не ново.
Это случается часто —
По заявлению Иоанна Богослова
И примечаниям Екклезиаста.

Под синим небом Вострякова
Белело
Неузнаваемым лицом
То,
Что было
Моим
Отцом.

Для нас
Был час.
А для него?
Ничего?

Во избежание лишней тряски
Гроб погрузили на салазки,
Не спеша
Покатили
К могиле.
Раввин
Все обращался к тебе: – Бенъямин!
Сын Файвыша!

Но молчало
Тело.
Без имени?
Без рода и племени?
Неужели не стало времени?

СВИДАНИЕ

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

И вдруг – соседи, муж, ребенок.

Комната полна пеленок.

Они развешаны повсюду.

Сестра сердита, бьет посуду.

Ребенок закатился в плаче.

Его баюкает старуха.

Муж в ярости:

– Что это значит?!

Где до сих пор ты шлялась, шлюха?!

– Гу-гу-гу! – гудят соседи.

На голову нам лезут дети:

– Куча мала!

Постой, она же здесь была.

Ее ищу я, беспокоясь.

– ВНИМАНИЕ

ОТХОДИТ ПОЕЗД.

Иду по длинному перрону.

Бегу по шпалам.

Мчусь по кочкам.

Кричу последнему вагону:

– Прощай!

И машут мне платочком.

СТО

Я – писатель непосредственный
Предпочитаю эпос
Средственный
Меня навела на
Эту мысль
Картина
Художника Кис-Кисль:
Скалы
Или что-то в этом роде
Близкое к природе
Но я
Друзья
Не дадаист
Я – просто человек рискованный
Раскованный
Свист
Мост
В духе философа Кси-Ксу
Эта мысль
Пришла ко мне в такси —
Разгоряченный коньяком
Я сочинил стихи
О ком?
Я сочинил
Стихи

Которые забыл
В такси
И до сих пор они белеют
Как часть залива
В час прилива
На скале
Морская соль —
Экстаз
Композитора Ксоль-Ксоль
Чайки там кричат
Кси-Кса!
Люди смотрят
Сикось-накось
Люди видят
Это фокус
Говорят
Накось выкуси!
А писатель им в ответ
Кса-кси! —

Что хочу то чучу
Даже если вздор несу
Как художник Кис-Кисль
Композитор Ксоль-Ксоль
И философ Кси-Ксу

ГЛАВКУКЛА

Тело

Не хотело просыпаться

Шевелились решетки

Нервные клетки

10 в десятой степени

И еще

Множество дел

Меня смущало в разной степени

Колеблясь на грани сознания

Я вошел

В это

Учреждение

Снял пальто

Иду по коридорам

Прислушиваясь к разговорам

– ГЛАВКУКЛА

– ГИПРОНИЩЕПРОМ

– УПРЧЕРВЯКЛА

– МРКРСОНЦВЕТМЕТБРЕД

– ШУКШУМШМЫГВИГФИГХАТ

Ни одного человеческого

Слова

Да живому делать нечего

В министерстве Ничего

Ни входа
Ни выхода
Ни вдоха
Ни выдоха
Сам не знаю
Как вошел
В этот мркрсонцветметбред
Не понимаю
Как вышел
На свет

Только помню
Много комнат
Горы папок
Разных «дел»
10
В десятой степени
И какие-то ступени
Лишь Самого не разглядел

СНЕГ ИЗ ФОНАРЯ

Днем
Вниманье к мелочам
А по ночам?

Днем совсем другие мелочи
Что-то вроде медной мелочи
Даже лица
Забываются

Фонарь
Выхватывает из мрака
Улицу белую как собака

Под фонарем
Мелькает снег

Снег
Сыплется из фонаря
Я думаю:
Си-ва-но-ря
Она куда-то убегает
А он горит и не мигает

А мы его не замечали
Когда с приятелем скучали

Когда Людмила
Приходила
Мельтешили и мельчали

Ссорились
Сиваноря!
Сыпались
Из фонаря

Теперь
Совсем другое дело
Фонарь
Слепая сила
Света

И кажется
Все фонари

Си-ва-но-ри
Бежит куда-то

ОГОЛЕННОСТЬ

Е. Л. Кропивницкому

Двор
Не двор
Из земли торчит
трубор

Сборный железобетон
На крыше крутится
котон

Дальше – пусто
Полтора
Квадратных километра
Электрального листа
(Не подходите близко
Ослепнете от блеска)

Дальше – скучная равнина
Ни дороги
Ни реки
Ветер дует как машина
И колеблет стебельки

Вдруг

У самых ног
Открылся люк
Выглянуло голубое *шало*
Вытянуло шею
Подышало
Выдохнуло пламя —
Фук!
Спряталось
Закрылся люк

В воздухе рассеялся дымок

Тсс
Работа совершается
Что-то
Там перемещается

В небе пролетело
Тело
Это *КЛИТЦ*

Ни знаков
Ни мышей
Ни птиц

Шум
Невидимых машин
Из неведомых глубин

Меж редких стебельков

Засох

Оранжевый

Чертополох

БОЧКА

В пустыне Гоби
Забыта пустая железная бочка

В небе
Ни облачка

Красная глина
Дымится равнина

Ветер задувает
Бочку задевает
Покатилась бочка

На дороге блюдо
Череп
Верблюда
Хряп
Подскакивает бочка

Орел-одиночка
Видит
В пустыне катится бочка

Ветер гонит пыль
Колючки

Подталкивает бочку
Кочка
Кочка
Подпрыгивает бочка

Розовые скалы
Сучья саксаула
С восхода до заката
Катится бочка
Избита
Измята
Бочку швыряет налево
Направо

И восьмисотметрового
Обрыва
Круто описав дугу —
Лежит на каменном лугу

В глыбе
Ящер скалит зубы
Как собачка

Посредине
Пустыни
Гоби —
Еле заметная точка —
Бочка

СУЩНОСТЬ

Белый свет не существует
Он в сознании торжествует

Вот
Предмет
Смотришь —
Нет

Каждое мгновение
Это пожирание

Стол —
ол —
Растворился и ушел

От зеркала
Осталось —
ло

В книге —
Ни
Одной строки
Только чистые листы

И знакомое лицо —

Ни начала ни конца
А любимое лицо —
Все равно что нет лица

Но
Остается
Карта сущности

Я видел карту
Это в сущности
Слепое белое пятно
Слегка вибрирует оно

ТЕЛО

На площади Революции
И на прилегающих к ней улицах
На солнце
В толпе переливалось и блестело
Тело
Похожее на цепеллин
Его баюкали
Несли
Подталкивали словно детскую коляску
Иные отходили прочь
Другие подходили
Проходили очень близко
Заслонив глаза от блеска
Как бы желая помочь
Несущим
А те
Не замечая ноши
Бродили в полной темноте
И говорили о насущном
Хлебе
О горячем небе
Блестели
Сумки и портфели
И все никелированные части
Автомобилей

И даже на подошвах гвозди
Блестели
В этом непонятном теле

Его границы невозможно было...
Отталкивала сила
Притягивала сила —
И мужчины с коробками
И хозяйки с покупками
И дети с немытыми лапками
Существовали
В этом теле
А девушки
Раскрыв глаза – ловушки
Насквозь летели

И все намеченные цели
Соединялись
В этом теле!
И если бы оно погасло
Как масло
Все бы растеклось

«Длинноногая...»

Длинноногая
Нагая
Белая
Кисти рук большие загорелые
Ты трогаешь меня
Руками трогая
Всего руками обнимаешь
И весь
Я здесь
Нутром буквально понимаешь
Что вот
Я тут
Обнимаешь все мои движения
Понимаешь до изнеможения
И далее
Где ничего уже понять нельзя
Полузакрыв глаза
И полуулыбаясь
Ты понимаешь все
Почти не ошибаясь

«На женщин похожи разные вещи...»

На женщин похожи разные вещи

Цветы вообще

Похожи на женщин

Я чувствую ее присутствие

Она не одна

Она

И подруга

Не замечая не зная друг друга

При свете лампы

Словно в темноте

Двигаются в комнате

И третья

Нежнее и ниже

Моложе

Встаю

Все лица в зеркало глядятся

А там одно

Мое

Лицо

Я ощущаю всех

Их еле уловимый запах

Смех

Двое – подальше

Третья – поближе

Цветы вообще на женщин похожи

СТИХИ ИЗ КАРМАНА

Часто
Когда на работе кричало начальство
Мой приятель
Самолюбие прятал в карман
А дома
Зажимал в кулак —
Вот так
В кармане —
Скомканный платок
И в компании
Девушки похожие на мальчиков
Не обращали никакого внимания

Лишь в компании
Таких же неудачников
Выпив рюмку водки
Самолюбие расправляло свои складки
Мой приятель его вынимал из кармана
Собеседники тупо глядели
В самом деле
Самолюбие
Без обмана!
И все
Дань отдав колбасе
И селедке

Забывали про драные пятки
И мелькали цветные платки:
Один – знаменитый художник
Другой – именитый поэт
Четвертый – академик
А пятый – просто вождь
Играет радио
Поют
Все взявшись за руки идут
Овеянные славой —
Платок над головой!

Но кто-то
Глядя на часы
Сказал
– Пора домой
Вождь
Сразу интерес утратил
Жует кусочек колбасы
На улице – дождь
Туман
Уходя мой приятель
Самолюбие прятал в карман

ПРОВЕРЕНО ОТК

Сортировщица № 43
Сортировала
Этот годится
Этот – брак
эта сделана так да не так
Ничего сойдет и так
Так и сложились
Мы —
Разной формы
И качества
Индивидуумы

Если Вы
Некрасивы
Робки
И вообще Вами мало интересуются
Девушки
Это сортировщица
Поправляла прическу
Пропуская Вас
Сквозь контроль
На голове
Волосы редки
Предки?
Ерунда —

Сортировка:

На СОРТИРОВОЧНОЙ вагонов до черта

Посоветовались

Решили не делать аборта

В уголке

Любого человека

Оттиснут штемпель

проверено ОТК

И порядковый номер

НОЧЬ

(разорванные стихи –
сохранилась половина страницы)

Веч

Маш

Машинистка печ

Нач

Точ

Пр

Прошу Вас дать мне рас

Мать спит за шир

Шор

Сосед бос

Торчит ч

Стучит маш

Он зовет Маш, Маш

А под окнами шур

Маш

Тиш

Проснется Шур

Нет

Выключ

Свеч

Ночь

Тысячи Маш

Тысячи Шур

Тысячи шор

Тысячи мур

Тысячи кош

Тысячи крыш

Лун

Стелются туч

Он

Впился зубами в плеч

Она

Мучь мучь

Тиш

Лишь за шир

Шор

В коридор

Мур

А под окнами шур

Маш

КЛАДБИЩЕ САМОЛЕТОВ

Маленький
Стою там
Неподалеку от станции
СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

На пустыре
Крылья
Хвосты
Искаженные листы
Алюминия
Разбитые пульты управления —
Кладбище

Что
Если потянуть на себя ржавый рычаг
Есть
Подается
Самолет содрогается
Со скрежетом
Ползет по искореженным листам
И повисает
В воздухе
Внизу —
Рваная дыра —
Блестит на солнце

Гигантская братская постель
Металлические простыни
Смяты
Серебристые животы
Распороты
Сорваны стальные бинты
Наружу
Трубки и винты
В прозрачном воздухе
Слышу крики
Ругаются по-русски
По-немецки
Гулко бьют
Автоматические пушки
Над головою
Воя
Прносятся трагические тени
Удар! Удар! Удар!
Обломки
Врезаются в обломки
И тишина
На миллионы лет...

Но кто-то
Из ворот большого дома
Выходит
В огромный двор весь освещенный солнцем
И спрашивает дворничиху
– Где здесь

Квартира семьдесят один?

ХРАПОИДОЛЫ

На южном берегу Крыма
Появились
Храпоидолы
И даже
Вчера их видели на диком пляже
Храпоидол гогоча гонялся за храпоидолом
И сигали со скалы
В море
Храпоидолы

Ночью женщина спала
У открытого окна
И слышала...
А сегодня
Только солнце
Озарило пляж
Табун храпоидолов
Выбежал на пляж
Один
Бородатый храпоидол
С куриным богом на груди
Как говорится
Что-то выдал
Храпоидолы заржали так
Что возмущенные волны

Выбросили
Морского петуха
Лестоногий храпоидол
Подобрал добычу
И зашлепал с нею в кусты

Две девушки
Два храпоидола
Играют в карты
Храпоидол
Хватает за ногу блондинку
И тащит
В море
Она хохочет
Храпоидол и девушка топят друг друга

Старая мымра
Блеснула глазами
– У храпоидолы!

«Ты протянула руку...»

Ты протянула руку —
И на ладонь легла
Округлая
Твердая
Плоть
Пальцем нажала —
И вмятина
Плод
Похож на твой живот
Вот
Твой пупок
Так
Вас
Сформировало
Солнце
Так
Сформулировал
Вас
Бог

«Ложусь на галечник...»

Ложусь на галечник
Нагретый солнцем
Этот камень —
Плечо
Эти круглые камни —
Груди
Этот плоский камень —
Живот
Эти голыши —
Колени
И
Пучок
Водорослей

КАМЕНЬ

ПОЭМА

Луна
Вышла из моря
И осветила его до дна

Полное рыб
Чудовищ
Растений
Море засверкало
Как драгоценный камень

И камни на берегу
И люди —
Не просто люди
И камни
Твои глаза огромны
Это не твои глаза

Что за существо
Глядит на другое существо
Прилетевшее оттуда
А эту сцену

Созерцает
Иное существо
Там

Не там
Откуда прилетело
Тело
А там
Где все это как сон
Чужого бытия

Существо говорит существу
И голос
Неузнаваем

Ис!
Шум приборя
Па!
Брызги
По земному это значит
Искупаемся! – а! – а! – а!

Ты поднялась
Ты вырастаешь
Вытягиваешься
Летишь
И таешь
Переворачивается небо
Вы плаваете

В жидком свете
Среди чудовищ
Рыб
Растений
Быть может на иной планете
В энном измерении

В камне
Который ты бросила в воду

СТАРИКИ

ПОЭМА

Море
Широко набегает на пляж

Волны
Трясут бородами
Древнегреческих мудрецов
Еврейских священников
И старых философов нашего времени

Вот они
Сухие старики
Сидят и лежат на белом песке

Девочка подбежала
Бросила песком в Льва Толстого
Песок – Сквозь тело —
Упал на песок

Кто-то прошел сквозь равнина
И сел
Видна половина —

Прозрачная – раввина
И стена —
Чужая темная спина

Лысый
Похожий на Сократа
Глядя на море
Произнес
– Мemento мори

– Что есть истина?
Спросила половина раввина

И пустой Лев Толстой
Сказал
– Истина внутри нас

– Что внутри нас?
Только солнце и тень
Возразила другая тень

Зашевелились старики
Задвигались
Забормотали
Рассыпая песок и камни

Рассорились
Сердитые бороды
Поднялись

И пошли по пляжу
Разбредаются в разные стороны
Обнимая людей
Деревья
И горы
Говорят о жизни и смерти

Одна борода —
Пена
И другая —
Пена
Остальные – высокие облачка

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Римме

Лист
Чист
И одинаков —
Ни графита
Ни чернил
Ни печатных знаков

Разглядываю на свет
Здесь
Ничего нет
И все есть

Больше
Света
Тоньше
Это

Было
Плотно и грубо
Стало
Бесплотное
Как небо

От волокон от листа
Осталась сущность
Пустота

Ничто
Касается меня
И уже ничто меня не касается
Вот
Свет
Здесь
Весь
Протяженный во вселенной
я

СТАРЫЙ КИТАЙСКИЙ СПОСОБ

Младенец
Посажен
В китайскую вазу
Как нежный цветок
Ребенок
Растет
И постепенно
Заполнил собой все пустоты
Драгоценная ваза
Разбита
И вот
Существо
Ножки
Выпуклый зад и живот
Ручки
Длинная
Шея
Кувшинное
Рыло
Живет
Удивляя людей
На свободе
Которая ему уже не нужна

РОМАНТИЧЕСКИЕ СТИХИ ПО ПОВОДУ ОСЕНИ

Мокрый лист прилип
На рукав пальто
Как желтая звезда
Давида

Вот за что
И лишали всех прав
Вывозили на свалку
Давили вповалку

– Давай про другое
Не могу про другое
Интеллигенты все —
Изгой

Не скроешься
Не затаишься
Тебя узнают по разрезу глаз
И по тому
Что каждый твой ответ —
Вопрос

(За жалкой миною субъекта

Слепая маска интеллекта)
А потому
Носи свой характерный нос
Гордо
Как Герой Социалистического Труда
Носит свою золотую звезду

Тебя наверно презирают
Быть может завтра расстреляют

Но умирая где-нибудь в овраге
Хватая ртом горячую траву
Ты вывел формулу
Осеннего листа
Она проста...

Я говорю о том
Что осень бедна и богата
Говорю о том
Что бедные не любят богатых
О том
Что листья на ветвях
Еще висят
Что революция продлится
Лет тридцать
Или пятьдесят
А дальше ни черта не видно!
Надеюсь, это очевидно

«Спокойно...»

Спокойно
Еще спокойней
Так

Еще спокойней
Совершенное спокойствие
Вот так

И еще
Спокойнее

Покой
Покой
Снег

«Тсс...»

Тсс
Слышите

И еще

И это

И там

И далеко-далеко

«ЖИЗНЬ...»

Жизнь
Это сердце

Детство
Без конца

Любовь и ненависть
Отца

Заглядываешь в лица
Чутьем угадывается

А если приглядеться
То некуда деваться

Пойти повеситься
Или побриться?

«Рядом шевелится...»

Рядом шевелится —

Ни лица

Ни ног

Лишь одеяло

И легкий недуг

Перерастающий

В ощущение:

То

Что шевелится —

Самовнушение

«Еще не осознав...»

Еще не осознав

Что это взрыв

Тебя целую

Шею

Плечи

Так повторяется каждый вечер

«Часы от ночи отставали...»

Часы от ночи отставали

Часы перегоняли ночь

Два времени не совпадали

САД

Я и Ученый Садовод
Прогуливаемся по саду
Ведем приятную беседу
О том
Как важно культивировать
Высокие сорта
Искусства и науки
Говорим о цветах особого сорта —
Паутина
Пауки

А навстречу нам идет
Пожилой мужчина
Цветущая наружность
Грубые черты лица
Изображают нежность
Гуляют другие цветущие лица
Девочка восьми
Лет
– Дяденька возьми
Мой букет

Мы проходим мимо —
Явление необъяснимо
И Ученый Садовод

Говорит

– Цветок наверно ядовит

Во всяком случае

Известны случаи

Смертельного исхода

(Я возражаю)

– Такова природа

– Природу можно изменять

– Да

Но нельзя ее понять

(И поглядев на садовода)

– Извините

Вы сами кажется цветете

– Цвету?

– Цветете

– Чепуха

(Пауза)

Из уха

Выглянула роза

ЧЕЛОВЕК БЕЗО ВСЕГО

Всадник без головы
Майн Рид
Заявляете вы
Майн гот!
Я знаю безногого бородача
Вторая жена
Родила ему сына
Здоровяка
И знакомая мне рассказала
Как шла на пари
В одних трико
От площади Маяко —
До Белорусского вокзала!
И человек
Без брюк
Не нов —
Забавный персонаж из сексуальных снов
И человек безо всего
На теле нитки нет
И тела нет
Нет человека самого
Как – вам не верится в него?
А между тем он есть
Он тут
И есть и нет

И тьма и свет

И свет и нет

И здесь...

Человек

Играет в прятки

Диктует нам свои порядки

Нечто

Вроде культа личности

Да здоровствует портрет!

А человека нет

ПОЭМА О ЦВЕТАХ

Весна пуста
Поля чисты
Повсюду – желтые цветы
Вы говорите – то и это
А вы послушайте совета

Рабочие в цеху
Выращивайте цветы

И в кабинетах
Наверху
Выращивайте цветы

Официантки в ресторанах
Выращивайте цветы
З/к в траншеях
В котлованах
Выращивайте цветы

Ученые в лаборатории
Выращивайте бактерии
Выращивайте цветы

И вы солдаты
Надо вам

По-дать ко-ман-ду

– По до-мам

– На пле...

– Отставить

– На цве...

И ты

Правитель

Неисправимый исправитель

Ты мрачен

Старость и болезни

Оставь их – пусть они

Полезней

Выращивать цветы

И вы

Выращивайте их

Немного счастья на двоих

Неважно

Что цветок бумажный

Выращивайте цветы

И ты

Выращивай цветы

Сажай хоть репу

Хоть картошку

Не все же сразу

Понемножку

Трудись

Выращивай цветы

И ты – и ты – и ты – и ты

Пенсионеры

Футболисты

Поэты

Вы же специалисты

Вы – люди – ангелы – скоты

Выращивайте цветы

В земле и на снегу

Выращивайте цветы

Во сне и наяву

Выращивайте цветы

Из ничего

Из пустоты

Выращивайте цветы!

МОЛЧАНИЕ

Мне
Подарили перстень
С геммой —
На бледном камне
Розовая рыба

Молчание
Ибо

Молчание
Либо

Молчание
Глыба
Изламывается тень
При свете свечи
Хриплое дыхание
Показываю подаренный мне перстень

– Молчи
Молчание

Христиане
Их пытали
Они молчали

– Отрекись
Они молчали
Хрустели кости

Молчание
Ибо

Молчание
Либо

Вырвали язык из гортани!

Остался человек
И небо —

Молчание
Какая радость
Какое страшное звучание —
Молчание

ЛАМПА

В комнате
Лампа горит
Как свеча

В оконном стекле
Отражается
Белая лампа

На улице
В темноте
Лампа горит
В половину накала

В холодной вселенной
Лампа
Горит

Там
Солнечный день
Машины проносятся
Люди идут
И бледная лампа горит
В солнечном блеске
Бесцветное пламя
Исчезает

А с нами?

Что же будет с нами?

А с ними?

Что случится с ними?

В тусклом стекле

Отражается пыльная лампа

ИРИНА

Спасибо тебе
Солнечная страна

Там по берегу моря
Гуляют твои имена

– Ира!
– Ирина!
Они окликают друг друга

Это голос любимой
И мой
Возникающий в шуме прибоя

Двое
Лежат на песке

Самолет
И летит
Его тень
По земле и воде

И уносит
Меня
Все дальше

Все глуше
Твои имена
– Ира!
– Ирина!
И машут руками

– Я вернусь!
Не вернешься
Время смыло следы

Лишь соленое солнце
Колыханье огромной воды

МОНОЛОГИ

(1982)

КНИГА ДЛЯ ЧТЕНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

ПРОЛОГ

На сцене появляется ПРОЛОГ, некоторое время стоит, молча.

Не говорить я вышел, а молчать.
И даже не мычать – молчать и точка.
Молчать – о чем? О многом мы молчим,
Но можно т а к молчать, а можно – э д а к.
Иные так молчат красноречиво,
уж лучше б говорили что-нибудь.

Давайте вместе помолчим сегодня,
о том, что хорошо нам помолчать
и что молчанье – добрый плод общенья,
ведь если мы друг друга понимаем,
то незачем нам воздух распалять.

Молчальниками пусть нас назовут.
Молчальник-не тихоня, как Молчалин.
Молчанием молчальник опечален...
Не так уж много бессловесных женщин
в литературе нашей. Но Мари
Болконская прелестна тишиной.
Пастельные и робкие всегда
помалкивают, хоть и примечают
все, но во избежанье зла и бури

предпочитают скромно промолчать.

И я – Пролог – возник из немоты
Когда б на то не авторская воля,
я просто постоял бы, помолчал,
а проще бы – совсем не появлялся.
Но я – актер и вынужден молчать
на публику – со сцены, громко, страстно!
Зал, тишиной замороженный зал —
вот ванна для меня, где я купаюсь,
блаженствуя... и паузу держу...

Сам Пушкин эти паузы любил —
от чувств избытка. Знаки умолчания
он проставлял в «Онегине» затем
чтоб действие живее развивалось,
как будто бы говорено о том,
о чем он предпочел не говорить,
и здесь, где точки, будто взвод на марше,
построились онегинской строфой,
сама строфа как будто существует
и даже рифмы кто-то угадал!..

Мы можем также вспомнить молчаливо,
как Пушкина поправил Николай,
а царь, конечно, знал молчанью цену:
«народ ликует» зачеркнул брезгливо,
«безмолвствует», подумав, начертал.

Еще – стихи: «Ненастный день потух;

ненастной ночи мгла...» Не думайте, что мухи бумагу засидели или цензор-дурак резвился. Нет! страдает, молча любовник, мавр, и лишь в самом финале — ревнивою угрозой: «А если» И, помнится, в романсе Даргомыжский раскатом волн и грохотом приборя отточье это выразил вполне.

Живет в Москве на Сретенке художник.
По лестнице в немых черных окнах
компанией восходим на чердак.
Акционерным обществом РОССИЯ
в начале века был построен дом.
Среди щитов – гигантов нас встречает
философ белой плоскости, певец
того, что на листе не существует,
бытописатель нашей мнимой жизни,
поверенный вселенской пустоты.
В молчании глядим и понимаем
молчание, плывущее на нас
звериным рыком, хохотом и лаем
всем говорим – неисчислимых масс.
И сам поэт – свирепое молчанье
не тишина, а на разрыв – отчаянье!

Так! Жизнью мы контужены, оглохли
и слушаем, как все молчит кругом.
Молчит столица, будто выжидая

лишь ночью гул, но все равно молчат.
Молчат мои никто, мои друзья.
Один замолкнул, потому что умер.
Другой уехал, потому молчит.
Молчит пейзаж. Молчат телеэкраны,
лишь дикторы губами шевелят.
Безмолвствует от края и до края...
И червь молчит...

(как бы во сне)

пускай прополоскает —
вот белые кувшинки и кувшины —
и миром нас наполнит тишина.

(меняя тон, обыденно)

А вообще-то нервничает Автор,
и тут меня поставил объявить
что он надеется... что вы ему, конечно...
Как в общем-то похоже все на сделку!..
Он очень постарается... а вы —
само собой... поскольку вы... и он...

ПРОЛОГ, совершенно смешавшись, умолкает.

СТЕНА

Появляется НЕКТО, одетый в черное трико. Прислушивается. В продолжение монолога живет и действует как мим.

Где бы ни был: в гостях или дома, в лесу или в городе, в метро – и в кино – и во сне, я прикладываю ухо к незримой стене.

И слушаю —

С другой стороны вам незримой стены: бормотание, вскрики, глухая возня... Не люди, не события, не здесь...

Там собрались хранаки на маной, рассорились из-за куска хрыченки. Хранка и хран встали на задние цапки, раздули свои вазыри. Хлещут друг друга хвостами когтистыми, стараются выдрать зеркальца. Хныхочут, как обиженные дети. И брызгаются, как дезодоранты.

Помирил бы я их, успокоил. Покачал и согрел на своих сослоненных ладонях. Перелил одну сущность в другую.

Но провожу рукою – и стена. Ни выступа, ни ручки, ни звонка...

Жена глядит и улыбается:

– Это что за поза? То приседаешь, то встаешь на цыпочки. Ты выставил вперед ладони, оглаживаешь пустоту, как буд-то здесь стена или стекло. Ты подражаешь миму? Или это – лечебная гимнастика?

Я улыбаюсь ей, не отвечая. Я слушаю, что за моей стеной?
Там шорохи, туманных форм движенье...

Там амроки и вымроки и шахры. Они хрустят и трутся друг о друга, то их пронизет огненным дождем, то налетят и жалят сигафаги. Огромны, как вселенские коровы, и так же кротки амроки и вымроки. И между тем небезопасны шахры...

Все время там – своеобразный шорох. Там лопаются капельки, в которых тысячекратно отражен пейзаж. То муравейник, то пчелиный улей, то будто весь из башен городок, а между тем ни то и ни другое...

Я слышу: тут же рядом за стеною буль-буль булькают в каменных колодцах. Высунется гладкий, как ракета. Вдруг раскроется множество сознаний – искривит, перестроит пространство. Снова станет гладким крокодуком. И буль-буль на дно – тянет за собою время, словно липкую сладкую тянучку...

А динамед говорит, говорит то по-испански, то по-чукчански. Мешает английские слова с древнемогильскими... Узнаю эолийский космический – язык для торжественных случаев, с золотом красный... Говорит динамед, говорит. Бойтся остановиться. Если выговорится – сдохнет сейчас же...

Хранаки, амроки и вымроки и шахры!

Многоязычный динамед, я с вами!

Я сочувственник! Я тоже

Хочу дышать радиоактивной пылью,

И на восходе Альфы и Омеги
Все явственнее быть и насыщаться
Теплом и светом радостной вселенной!

Но тут – стена. И там – стена. Повсюду. Вплотную в плоть.
Я сам – стена, в которой дырки проделаны. Кричу, чтоб от-
ворили. Напрасно. Не глух, но замкнут. Ключ потерян.

ГЛУШИЛКА

К нам нерешительно приближается ПОЛНЫЙ ЧЕЛОВЕК в круглой шляпе, сдвинутой на затылок. По-видимому, он хочет что-то сказать. Вдруг издает два сигнала длинных, один короткий.

Пи-и! Пи-и! Пип! Дорогие люди, цветы и собаки! Сейчас двенадцать часов по московскому времени. Мы начинаем свои сегодняшние, передаем изо рта этого доброго человека. Спасибо тебе, большой души человек.

(Человек в недоумении озирается.)

Большое круглое спасибо. Не пугайтесь, уважаемый. Сегодня вы – наш избранник. Вы, можно сказать, наш рупор. Правда, если заглянуть поглубже, ничего особенного: печень увеличена, мошонка дряблая, мысли по преимуществу глупые. Во рту – золотой мост, тоже не вызывает особой симпатии... Но сегодня вы... живой... правдивый...

(Человек зажимает себе рот, некоторое время борется с собой, продолжает бубнить сквозь ладонь, задыхается.)

.....протеста!

Сначала передадим новости для собак. Наши зарубежные друзья человека! Наши четвероногие соотечественники! У нас в студии находятся собака – кобель, порода – болонка,

кличка – Тиша. Прошу поближе к микрофону, Тиша. Не волнуйся, Тиша, все уже позади. Сейчас он вам сам все расскажет.

(Человек начинает лаять, затем скулит, потом долго воет. Вдруг замолкает с открытым ртом.)

.....никаких контраргументов. Стараются заглушить, как всегда. Приятель, отойдите на несколько шагов влево... Влево, а не назад... Где у тебя левая рука?.. Туда и иди... Эй ты, говорильня тупоголовая! К тебе обращаются... Грубо...

(Человек не совсем понимает, что от него хотят. Затем делает несколько поспешных шагов влево.)

.....жаем наши передачи. Для цветов родной полосы! В некоторых кругах прогрессивно настроенной интеллигенции существует мнение, что благодаря осложнившейся международной обстановке лета в Подмосковье ожидать не следует.

Нашему мытищинскому корреспонденту удалось взять интервью у одного из представителей подмосковной флоры. Итак, мы – в густых зарослях лопухов и крапивы на берегу небезызвестной реки Клязьмы. Гремят ржавые консервные банки. У микрофона – типичный для средней полосы Иван-чай... Пожалуйста, Иван-чай, каковы ваши прогнозы на будущее? (Гласом) «Во лесах, на речех суть квяты красны. Перун – отче ти квяты любяху. Ярило не всуе горяше. Яко же бо

мнози смерды прииди. Скакаши злии ти бесы, кричаши, корни изымаша. Худое деют. А сами рече: мы де, мы ста...»

(Человек продолжает говорить, но беззвучно. Наконец показалось ему, что кто-то его зовет. Человек делает жест: меня? Отходит на несколько шагов вправо.)

.....жаем наши передачи. Для людей! Дорогие милые люди, на сегодня порадовать вас, к сожалению, нечем. Наш корреспондент из Рима передает...

(Продолжает говорить беззвучно.)

Из Нью-Йорка сообщают... *(продолжает говорить беззвучно)*

По сообщениям из Москвы... *(продолжает говорить беззвучно)*

.....протеста!

Известная гадалка мадам Леннорман передает сводку погоды на ближайшие дни. С севера на столицу распространяется область дурных предчувствий. Настроение понизится. Отношения похолодают. Завтра ожидается резкое потепление отношений. Туман чувств. Временами прояснение.

Сейчас – минутный перерыв.

(Человек вдруг засуетился, завопил панически.)

Я не виноват! Это не я! Это оно! Отпустите меня-я!..

...Для стран тотального режима. Наши передачи ведутся без согласия передающего.

В заключение полчаса музыки. Мы передадим произведения Моцарта и Бетховена. Эта гениальная музыка в свою очередь вдохновляла Шиллера и Гёте.

Исполняет лауреат конкурса имени Шопена в сопровождении оркестра.

Человек долго стоит перед нами, раскрыв рот. Но всю прекрасную музыку заглушает громовое молчание.

СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ

Размытые акварельные сумерки на морском побережье. Полутемно, так что скорей угадывается большой мягкий предмет, повисший между небом и пляжем. Со стороны дюн приближается долговязая фигура – это СУБЪЕКТ. Одет пестро, небрежно. Лицо белого клоуна. Действие происходит в не совсем нашей реальности.

Это она виновата, Алиса. Слышала: хрюкали, говорит. Шел, шел по пляжу – ни одного хрюкотальника. Можно, правда, самому вырыть ямку в песке и похрюкотать туда... Не с кем... Даже мюмзики куда-то пропали. Одному – это одни выдуванчики получаются.

(Замечает ОБЪЕКТ.)

Кто-то кожаную подушку забыл на пляже. Подкинул в небо, там и забыл. Запросто мбркнут ночью. Или булданут... Будто плавает в воздухе... Нет, нет, скорее это – Неопознанный Объект!.. Здесь – непознанный СУБЪЕКТ, там – непознанный ОБЪЕКТ. Чересчур по-английски...

Как же быть? А, просто подпрыгнуть, ухватиться за хвостик и сдернуть вниз. Тем более что это – колбаса. Толстый батон синтетической колбасы. Мбркну!

(Прыгает, пытается достать.)

Эта синтаса... чудо современности... отрежешь ломоть... голубой... в зеленых кружочках... выдавишь из тюбика... огурец... Прямо на лету... зубами отхвачу!

(Прыгает, падает.)

Что это? Раздувается!.. Лопнула!.. Выворачивается наизнанку! Ощерилась!.. Колбасун!

(Отползает.)

Спокойно. Надо – осторожно. Без паники. Колбасуны чутки, но слепы. Какая пасть!.. Скрипнуло... А-а-а-а!..

(В ужасе бежит, застывает на месте.)

Ненормальный. Совершенно сумасшедший. Мне улыбается красивая женщина, а я кричу, как зарезанный выпрыск. Правда, лица не видно, одни губы. Зато какие губы!..

(Декламирует.)

Одна большая толстая улыбка,
как перезрелый помидор.
О, революционерка, Розенталь! —
резервуар, презерватив... Обшлепай
всего меня губами... Глядя вдаль,
давай друг друга называть на «мы».
От му-ужества мычу

(Посылает ОБЪЕКТУ воздушный поцелуй.)

Му-у-учительница! Если му-ухой стану
Всю лапками тебя защекочу...

(Деловито оглядывается.)

Но если мне не лгут мои глаза,
здесь – площадь, там – собор. Ты прав, Лоренцо,
пожалуй, это – не бедро, а грудь,
не бугорки какой-нибудь девчонки,
не тощий март, а щедрый июльский полдень —
а этот полдень материнства полон...
Большая Мать на тысячу сосцов!

(Ложится навзничь.)

У-а! У-а! Я – ползунок! Хочу сисю. Надоело зеленое
молоко, розовое давай. Кормят все время какой-то
ДИСью¹ – дрисью. Гадость! Ну, ну, давай склоняйся с
вышины...

Но что это? Все небо заслоняет
гигантский зад... Несется вниз, как лифт...
Сейчас меня... Раздавленной клубникой
быть не хочу!

(Откатывается.)

¹ ДИСЬ – детская информационная смесь (Прим. автора).

Неужто пощадил?..

(Поднимается с песка, отряхивается.)

Ты пощадил меня, прекрасный зад...
От страха стал каким-то свинобрюхом...
Ты хмуришься? ты чем-то недоволен?
Но зад, который хмурится, ведь это —
чело философа!

(Изучает ОБЪЕКТ.)

Конечно, это ОН!
Мозг! Интеркук! Мулендр кудрогриозный!
Внушительное вместилище... а тем самым —
вместительное внушилище. Сейчас вырою.

(Садится на песок, роет ямку.)

Скажи мне, Разум, что такое маний?
Откуда он приходит? Куда уходит?
И почему его мы называем: буний?
Еще ответь, мы – люди почему?
бекрумкаем, чачакаемся и звачем?
Скажи, зачем свеольник – не свеальник?
И свет вопроса: есть ли Йогом?
А если нет? То, верно, нет и амры

и мамы и бедунчиков... Но это...

но это глупо, просто нелогично —

нет мамы, но бедунчики-то есть!

Молчишь?.. Понятно. Вопросы мои суть твои ответы. А раз так, я думаю, ты признаешься наконец кто ты?

Молчишь?.. Тогда я сам тебе отвечу. Ты – приз, январь, динамо, гранд-отель, известный врач, общественное мнение, ты даже – «сто лет назад», и так же точно ты – весь словарь и все слова, что будут, все имена, которыми, тебя я назову...

Я назову... Но неизвестно – что я, быть может – ландыш, или что другое.

Я – в и вне. Прощай, мой месяц май, отлично мы с тобой похрюкотали.

Непознанный СУБЪЕКТ незаметно стушевывается.
ОБЪЕКТ, уже опознанный, остается висеть между дюнами и морем.

АХВЕЛЛОУ

У зеленой в лиловых пятнах и рыжих подтеках стены – старинная высокая кровать с никелированными шишечками по углам. ОНА в длинной мужской рубашке лежит на кровати спиной к зрителям. И совершенно необязательно им слышать ее сонное бормотание. Жизнь ее, как и смерть, была загадкой... Из этого дурного сна не извлечь никакой нравственной идеи кроме самого факта метаморфоз...

(Она вскакивает, прямые рыжие волосы закрывают лицо.)

Большие мохнатые гусеницы ползали по стене, по кровати, старались влезть на никелированные шишечки и соскальзывали на пол. А вокруг кровати, как вокруг новогодней елки, все мои беззаботные дни и ночи кружились, топали ногами – и пели. Как дети...

И я тоже – пыталась взобраться на блестящий и гладкий купол... Сорвалась, упала в подушку... И вдруг взлетела серой ночной бабочкой... А внизу все мои ужасные ночи и дни засмеялись, захныкали, стали показывать на меня пальцами... Я испугалась – вскочила...

(Она трогает спинку кровати.)

Какая же это елка! Разве что – шары... Комната смеха – вся в кривых зеркалах! Здесь вытянутое лицо с раздутым

лбом. Тут – губы, растянутые в ухмылке – эдакая ученая людоедка. Вот – поросятина. А вот постная мадам Смерть протянула мне скелетообразную руку. Умереть со смеху – ведь это все я!

(Она садится с ногами в кровать, как в лодку.)

Раскачаю лодку посильней. Гребь, гребь, Костя. Вообще-то ты мне, Вадим, нравишься. Хороший ты парень, Николай.

У, какой над водой ветер! Полетели мои шпильки и заколки, как стрекозы... Прощай, Костя. Спасибо, Вадим, за все. Уходи, Николай.

Кувшин. Желтая кувшинка. Сейчас достану, дотянусь...

(Она перегибается с кровати. Ниже, ниже...
Затемнение.)

Опрокинула-ась...

(Полный свет. Она стоит перед кроватью.)

Кровать застелена аккуратно, одеяло сложено конвертом. Я должна этот конверт распечатать. Но я не знаю, что – там. И мне страшно.

(Смотрит на свои руки.)

Десять гладких ласковых зверушек,
Десять лалов с острова Лесбос,
Десять розоватых виноградин,
Две лозы, две длинные кисти,

Любит вас Аполлон – стрелодержец,
По велению матери Деметры
Распечатайте конверт, разверните.

(Она раскрывает одеяло, читает.)

«ЛАМАЯ ВЕОРИЯ!

АХВЕЛЛОУ! Ар Лихаим! Базила вемя веронно. Суе-
жизнь. Ар нарцисно без базил. Знак! Райствую и сияствую.
Эфорилья и покровилья моносят время. Даура сиявеет, ва-
ура волхвает. Лиломудр.

Ламая Веория, быстра моя! О! О! Довольно веркузаться в
чукунчики. Бысть касть и мусть. Тут качно и мерзо. Тудем!
Тудем веолу! Дешь райствовать и сияствовать.

Три так: сверчалю – лирое амалоа, венчалю – ламирое а з
а л о а , венчец – любвищный и фиоланный э м р о к .

Ахвеллоу, Веория.

Ж

ЛИХАИМ».

Оттуда! Письмо оттуда! Веория – это же я Вера. Меня так
зовут. Ты ждешь меня, милый лихаим. Твоя печать Ж – ле-
тящий жук и херувим. Но я не знаю тебя... или знаю...

(Она расхаживает по комнате, быстро раздевается:
рубашка, лифчик, трусики, чулки.)

Знаю. Не знаю. Знаю? Не знаю. Знаю... Не знаю... Знаю?
Не знаю? Знаю – не знаю. Знаюнезнаю – знаюнезнаю – зна-
юнезнаю...

(Она быстро одевается.)

Знаю – не знаю, знаю – не знаю, знаю – не знаю. Знаю – не знаю. Знаю? Не знаю? Знаю... Не знаю... Знаю? Не знаю. Знаю. Не знаю. Но ведь все это – чисто философские категории!

(Она одета, даже слишком. Садится на кровать, начинает покачиваться, как на пружинах.)

Извините, мне ваше лицо... Это он.

А мне ваше, пожалуй... это я.

Может быть где-нибудь... это он.

Скорее всего нет... Это я.

Простите, что не очень... это он.

Ну что вы! Вы вполне... это я.

Не отказывайтесь, это... это он.

Маленький праздник в пути... это он.

Твои волосы (*далее неразборчиво*)... это он.

Глупый, я сама... это я.

После, когда он выскочил из вагона, как сухой кузнечик, только имя успел начертать. Пальцем на пыльном стекле.

Лихаим – я прочла... Больше мы не встречались... Лихаим...

Чудеса, неужели Михаил – архангел?! Чепуха. Он же был широколицый в веснушках и носил очки... А может Михаил-архангел такой и есть: широколицый в веснушках, носит

очки?

Письмо от Михаила-архангела? Раиса Михайловна «дура» скажет. От бумаги вроде французскими духами пахнет. Райские духи, райские! И почерк такой круглый, духовный. «Даура сиявает, ваура волхвует»... Каждое слово наполняет меня восторгом, как Нину из «чайки». Я тоже хочу райствовать и сияйствовать!

Решено. Завтра же иду в церковь. Найду Его икону. Ведь надо же что-то делать. Надо действовать. Недаром ведь я – христианка. Не знаю, правда, крещена или не крещена... Не была бы крещена, не писал бы... Итак, завтра же...

(Затемнение. Мечется тревожный свет. Тревожные звуки. Она с распущенными волосами.)

Не могу больше! Горю! Все пылает: церковь, дом, прохожие, трамваи, небо, тучи, пожарные, толпа народа, рыжая собачонка, мои волосы! Спасите, помогите! Горю! Нет, я не лысая, не лысая.

(Темнота. Свет. Она в белом халате, в косынке стоит возле постели.)

Подготовьте больную к операции... Гладко зачесывать надо, девушка. Как я, например. Мне никакая случайность не грозит. Ни один волосок не вспыхнет. Везите каталку в операционную.

(Кровать едет на колесиках. Она идет рядом. Постепенное затемнение.)

Здравствуйте Жужелица Скорпионовна... Будем оперировать. Лучше хлорировать и отлакировать большую сразу... Сестра, прокипятите ее... Хорошенько, чтобы стерильна была. Ах ты, моя куколка!

(Вдруг – резкий свет. Она лежит вытянувшись.)

Резут, как буханку хлеба. Или брусок масла. Душу можно невзначай выронить. Не донесешь... Лихам, Лихам... Мы – потихоньку, мы – помаленьку... Из личинки – в гусеницу, из гусеницы – в куколку, из куколки – в бабочку... Там, дальше, выше, наверно, астральные, эфирные и еще какие-то совсем невозможные... А т а м уже не бабочки, один блаженный трепет...

(Затемнение. Сильный ветер. Небо. Вокруг летают белые покровы. Она стоит на кровати, вскрикивает радостно – изумленно.)

Ахвеллоу! Ахвеллоу! Вааха вонс! Охей охейо! О сияванная, сиява, золокаменная маява! Кавихо райствуешь? Ар авихо, авихо. Ламас, ламас, нисона и нисам. Сикамбусом нисам вексают. Мириа сивобрил миксают и верцают и никабринствуют.

Сиявелла оваевает! Амахом увахаю к чурасам! Охей охейо! Ахвеллоу! Ахвеллоу!

Я – НЕ Я

Мартын Ондатрович, пожилой. Волосы – «перец с солью» бобриком, в очках. Дремлет, прикрывшись газетой. Начинает похрапывать. Вдруг вздрагивает и просыпается.

Приснилось мне, будто я – моя взрослая дочь Наташа. И я – Наташа куда-то проваливаюсь. Неприятное ощущение. С другой стороны, кажется, глаз не сомкнул. Статью дочитал. *(Читает.)*

«Его мужественное волевое лицо озарилось улыбкой надежды...» Вот, здесь – мужественное лицо, а я... Нет, сходство между нами есть, все-таки дочь, не отрицаю... Но предположить, что я – молодая женщина, это уже чересчур. *(Ощупывает свое лицо.)* Главное, родинка меня убеждает. *(Испуганно.)* Но родинка и у моей взрослой дочери Наташи! *(Гладит щеку.)* Вот, брился, порезался. *(Испуганно.)* Но она замужем, может быть, тоже бреется. Украдкой. Раз курит значит бреется, известно... *(Ощупывает себя дальше.)* Полноват я. Грудь у меня вполне возможно, что и женская. Брюки теперь все носят. Нога небольшая, 39. У многих женщин такая нога. В общем, какая-то сыромятность получается!

(Мартын Ондатрович вынимает из кармана куклу.)

Внучке Машеньке купил. Можно сказать, дед купил внуч-

ке. Но с другой стороны, матери это более свойственно. Да... Вчера жена позвала: – Наташа! И негромко так позвала. А я вздрогнул. Почему?

Нет, что-то здесь не так, не то, не совпадает. Соседей, спрошу, дома никого... Соседи, надеюсь, меня знают.

(Мартын Ондатрович поднимается с кресла. Гаснет свет.)

Черт знает что! Снова электрокамин включили! Я буду жаловаться в конце концов!.. Ух, эти бабки, попки, пробки! Темно, будто в толпе негров ползешь... Мумиозность!..

(Мартын Ондатрович с грохотом проваливается.)

Черт, ногу ушиб... Провалился как будто... Понаделали погребов посреди квартиры!.. Но какой к дьяволу погреб! Живу на девятом этаже, паркет гладкий, сам циклевал, меняю на равноценную площадь со всеми удобствами, первый и последний этаж не предлагать... Может это я в лифте ухнул?.. Какой лифт!.. Паркетные плашки где-нибудь разошлись, я и провалился этажом ниже. Хорошо, что потолок низкий... И здесь темно. Видно, всюду свет выключили... Эй, здесь есть кто-нибудь?.. Да вы не бойтесь, я ваш сосед сверху из 422-й. Я сейчас уйду... Эй, кто-нибудь!.. Мафиозность какая-то... С работы еще не пришли, вот и молчат... Вспомнил! У меня же спички есть. Со спичками я мигом отсюда выберусь.

(Мартын Ондатрович зажигает спичку, она недолго

горит в темноте.)

Потолки высокие, даже сводчатые как будто. Не пойму. Картины какие-то по стенам. В рамах.

(Снова зажигает спичку, она гаснет.)

Монструозность! Картинная галерея!.. Какая картинная галерея на восьмом этаже! Дом – стандарт, квартиры – клетки. Вы мне голову не морочьте со своей картинной галереей... Согласен. Пусть я уже – не я, а моя любимая дочь Наташа, в конце концов мы – одна семья. Но Третьяковская галерея на восьмом этаже кооперативной белой коробочки – это уже слишком.

(Снова зажигает спичку, оглядывается.)

Узнаю. Левитан «Над вечным покоем». Айвазовский – «Девятый вал», вон и людишки на бревне. А эта большая... какие-то лица, шапки, вроде зимы, розвальни, возница, кто-то стоит... Рукой народу указывает... Революция?

(Снова зажигает спичку, она гаснет.)

Неужели «Боярыня Морозова»?!

(Опять зажигает спичку.)

Вот он, дьяк лисья шапка – лисья повадка! Некоторые плачут, помню. В ссылку везут. А она, боярыня, руку подняла с двумя перстами. Показывает, хоть убейте, от старой веры не отрекусь!

Сильная картина. Изнуренность какая-то... У Глазунова –

тоже, есть общее. Главное, очередь, помню, от Манежа вдоль всего Александровского сада, даже хвостик на Красную площадь заворачивал... Народ, знает, оценил.

(Спичка гаснет, зажигает новую.)

Есть, есть о чем подумать... Гляжу, оторваться не могу. И до того во мне разные чувства разыграли! Будто это меня в ссылку везут. А я не сдаюсь. Я вообще никогда не сдаюсь. Было дело позапрошлый год в конторе. Не сдаюсь – и все. На Колыму? На Колыму!! На лесоповал? На лесоповал! Меня ведут с собаками. А я держу свои два перста, как окаменелая!

(Мартын Ондатрович торопливо зажигает новую спичку, с изумлением смотрит на свою правую руку. Она сложена в два перста.)

Господи!

(Задувает спичку.)

Рука моя за старую веру сама свидетельствует. А коли рука моя как там – на картине... Может я и вправду – Морозова?! Чудовищная гороховость! Чувствую, я – она.

(Измененным голосом в темноте.)

Федосья Прокопьевна Морозова – я. Обличаю их, зверей пестрообразных. Терплю муку мучинескую. Настали последние времена. Князя Ивана Хованского батожем били, Как Исаяю сожгли. Сестру мою Евдокию, бивше батогами, и от

детей отлучили, и с мужем развели. А меня боярыню Федосью совсем разорили, в темницу бросили. Никониане, беси козлоподобные!

(Спичка освещает лицо боярыни на картине.)

Выпросил у Бога светлую Россию сатана, да же очервлевнит ю кровию мученической. Добро ты, дьявол, вздумал. И нам то любо – Христа ради, нашего света пострадать. Пусть дыба, пусть Щипцы!! Хочу! Хочу! Хочу пострадать!

(Мартын Ондатрович, а может быть БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА, мечется в темноте, с грохотом проваливается.)

Куда-то бросили... В яму с лягушками, наверно... Слышь, квохчут... Сухо... Трава вроде... что-то упало...

(Зажигает спичку, это – кукла, спичка гаснет.)

Последняя спичка... Зачем мне кукла?.. Кто мне ее подбросил?.. Почему я где-то в степи? Сыростью тянет. Жилья не слышать. Ни одного огонька... А я – девочка Машенька. Шорохи... Мыши?.. Нет, волки!.. Так страшно, что все это не может быть настоящим. Это сказка, она мне снится. Мне снится, что я – дедушка. Я большая, надела дедушкин костюм и мне совсем-совсем не страшно... Страшно... Может быть, у этого сна есть двери. Может быть, отсюда выпускают... Мама! Мамочка! Не хочу быть дедушкой! Это так страшно, так страшно...

(Проваливается. Полный свет. Мартын Ондатрович

по-прежнему сидит с газетой.)

Ну вот, свет дали... Голова несвежа... что-то снилось... Или просто приснилось, что все это снилось? С другой стороны, кажется, глаз не сомкнул. Суходревность какая-то... И снилось мне, будто я – не я. Смешно. *(Ощупывает лицо.)* Вот, брился, порезался...

(Свет гаснет.)

ЗИГЗИГЗЕО

ЗИГЗИГЗЕО сидит на стуле, руки-ноги в стороны, голова свесилась, как неживая. Поднимает голову, недоуменно оглядывается.

Сегодня просыпаюсь
и чувствую: разобран весь, развинчен.
Рука – отдельно. И нога – отдельно.
И голова болтается. И мыслей
не соберу – куда-то раскатились.
Ну, думаю, завистники, враги
во сне меня на части разобрали.
А вечером придут еще друзья!..
Пока не растащили по деталям,
скорей себя свинчу и соберу.

(Из-под стула достает разные инструменты.)

Тут надобен слесарный инструмент.
Так! плоскогубцы, молоток и клещи...
Ключ гаечный, шурупы и винты...
А как же мысли собирать? В кулак!
Или ловить на клейкую бумагу?
Прихлопнешь полотенцем, а она
уж не живет... Все мысли разлетелись...

Вот и не знаю... Это я о чем?

(Задумывается.)

Да! голову сначала привинчу,
Но надобно найти ее сперва.
Где голова?.. Серьезно, кроме шуток.
Я помню, здесь на тумбочке лежала...
А с чем там на полу играла кошка?..
Нет, голова – не пуговица, не брошка...
Товарищ – на минуточку... У вас
случайно – не моя?.. Нет?.. А похожа...
Эй ты – в берете! Голову отдай...
Да не моя, сам вижу... Пошутил...

(Ищет.)

Тут нет... Здесь – тоже... Может быть – в углу?

(Выметает из угла мусор.)

Какие-то бумажки, пробки, стружка.
Допустим – содержимое. Но где же
сама шкатулка?.. Не соображу.

(Пауза.)

А! поживу пока без головы.
Ведь есть же безголовая селедка
копченая в продаже – и берут.

А руки где?.. По счастью, руки – тут.
Вот правая. Рычаг и семафор,
который изначально указывает
высоким жестом, подражать которому
стремится всякий юноша, который...

(Прикручивает правую руку.)

Ура! Живет и действует. Моя!
Теперь поставить надо каждый палец
на место и защелкнуть на замок.

(Щелкает пальцами поочередно. Боксирует правой.)

Можно сказать, вооружен рукой.
Безрукий или устрица теперь
Мне могут позавидовать, возможно.
Безрукий, правда, может бить башкой
иссиня-бритой и хватать зубами,
и раковина створками кусать.
Но быстрота, маневренность не та.
Да! правая – серьезная рука.
Вот левая, ее не одобряю.

(Небрежно прикручивает левую руку.)

Пусть. Как у всех. Но думать не могли.
Я слышал. Мне рассказывали. Точно —
для них и лагерь в Коми АССР.
Бетонная ограда! вертолеты!
Там левыми все скованы попарно,
а правыми ударно рубят лес...
Инакомашущие! надо же – инако —
подписывающиеся! Собака
и та его понятливей. Однако
и кличка нехорошая: левша...
Спаси и огради меня Начальство!
От левых я подальше. У меня
вообще-то обе правых. Если надо,
обеими руками крылышкую.
Меня еще не просят, я сдаюсь.
Так и хожу с поднятыми руками
по улицам, плечом толкаю двери,
здоровуюсь решительным кивком.
Меня не запугаешь – карандаш
держу в зубах, привык за много лет,
зато и видят: чистые ладони...

Привинчивать мне ноги или нет?
Есть ноги, побежишь куда-то сразу —
на улицу. Наедет мотоцикл,

спасибо, изуродует... Они же
летят, как сумасшедшие, всегда.
Или облава в проходном дворе.
Облава на собак, а ты попался,
недаром у тебя – собачья шапка.
Запрут в сарай с полдюжиной дворянжек,
доказывай потом, что ты – не пес.
Спокойней – дома... Да! подумать могут,
что ты уже и по родной земле
ходить не хочешь, так избаловался,
Париж тебе – и Лондон подавай!

(Привинчивает ноги.)

Нет лучше ноги – даже обезьяньи,
а еще лучше – длинные протезы
суставчатые – пластик и железо
несут. Куда – не знаю. Не свои.
Как хорошо! Собрал себя. Все пальцы
нашел и яйца уложил в мошонку.
Могу еще собрать чужие мысли —
с чужими жить, конечно, веселей.

(Танцует.)

Но отчего я странно так танцую,
как будто кто-то дергает меня
за ниточки? Обеими ногами

подскакиваю, знает я – паяц.

Я – лягушонок, знает – кенгуру.

Я семь кузнечик, прыгаю покуда.

Шутить – опасно, прыгать – тоже худо.

Я – зигзигзео вывихнутый весь!

ОМЕГА, ИЛИ ИММИТАЦИЯ

ОМЕГА появляется решительно. Вдруг видит зал, это для него неожиданность. Некоторое время разглядывает нас молча. Особых примет сам не имеет, в очках.

Вон сколько лиц! Изображают зал
Глазами улыбаются. Массовка —
ну просто в микроскоп не отличить.
А между тем к любому подойти,
просунь – смелее! – руку между глаз.
Насквозь пройдет – не колыхнется даже
изображенье. Видимость одна.

Ну что разволновался бородач!
Не надо. Вижу: материально плотен,
сработан даже каждый волосок...
Но где-то там на уровне молекул
почувствовал себя ты человеком?..
Ведь ты – телепортации кусок!
Нет сахарин сам знает, что – не сахар,
а маргарину ясно: он – не масло
и если даже он совсем как масло
то все равно он – только маргарин.
Про колбасу мы и не говорим:
нет естества, нет даже существа.

От колбасы в ней – ни одной частицы.
Пластмассовый цилиндр для насыщения
обозначает слово «колбаса».
Ну в общем, я сейчас к вам задом стану,
сниму штаны – планеты покажу
или похуже – черную жужу.
Кого мне – телевизоров стыдиться?
Один остался – сам и говорю.

(Кричит.)

Я говорю: совсем один остался!

(Вздыхает.)

Один остался, что ни говори.

(Рассудительно.)

И с кем ни говори, один остался.

Кругом слова – членораздельный шум,
потоки слов, словесные вулканы
словесные чащобы, испаренья
и башни вавилонские из слов...
Карабкаются, будто муравьи.
«Мы – соль земли! Мы – антресоль земли!»

«Мы – моль земли!» «А мы – фасоль земли!»
Словесный бой! словесное сраженье!!
Вдруг колыхнулось все сооруженье
и чистым осыпается песком...
Лишь я своим скрипучим голоском
пустынную округу раздражаю...
Что бородач притих? А ты со мной
не согласишься! Скажи: все – чепуха
Нет! вырви три-четыре волоска
из бороды, подуй на них, поплюй
и все кругом преобрази, Просперо.
Пусть театр затопит шум людской,
нахлынут люди, как прибой морской.
Поденные проблемы, интересы:
тот – против мяса, этот – против мессы,
та – против рясы, эта – против расы.
А ужасы! А стрессы! а карассы!
Ведь тем и отличается живое,
что не согласно! лезет на рожон! —
непредсказуемо!

Послушай, борода,
положим, мы с тобою в горы.
Идешь ты по дороге, размышляешь,
Признайся, ты ведь любишь размышлять.
Вдруг камешки посыпались – глядишь,
нет не коза – я лезу по откосу,
оскальзываюсь, яростно хватаюсь
за корешки какие-то, за ветки.

Кругом – колючки, синий воробейник,
козлобородник, воронцы... Зачем,
боярышником злостно исцарапан,
куда-то лезу вверх и напролом?
Да жив я! жив! Взбрело – я и полез...
Вы знаете, конечно, люди были.
А вот какие – вы давно забыли
Нет, лучше ты послушай, борода.
Проснешься, помню, ночью, а она
глядит в тебя огромными зрачками
и шелестит: «Такого не люблю».
«Какого дура, спрашиваю, любишь?»
«Люблю тебя другого» – шелестит.
Вот борода, как у людей бывало...
Кругом осталось множество идей,
остался мир – игрушка; без людей.
Дома, деревья, фонари и небо
с набором звезд с новехонькой луной,
такие декорации построить,
устроить даже море горы воздух —
и все это для одного меня!
Неужто Бог – играющий младенец?
в младенчество впадающий безумец?
Презумпция рождает ирокез!

(Слабея.)

Как юноши трепещущая дева

аккумулятор бойся перегрева...

(С новой силой.)

Я! Я! Я! Я! – поет стеклянный ключ,
протянутый сквозь время Я! Я! Я!
Я! Я! Я! Я! распластанный в пространствах
Засело и лукавит Я! Я! Я!
Размножено огромным тиражом
в четыре миллиарда, все равно —
пусть я безумен и впадаю в крайность,
все это Я, лишь вышелуши яйность...

Появляется СТОРОЖ, выключает ГОВОРЯЩЕГО –
щелчок. Уносит его как куклу. Возвращается.

СТОРОЖ (*заикаясь*). Оп-пять выключить забыли. Неп-п-порядок в учреждении. Как бы-бы чего не случил-ось. Эта штука секретная, последний выпуск. Так и до конца света доболтаться может. Ом-мега, одним словом. У нас вооб-бще здесь у всех клички су-сумасшедшие. Меня, например, прозвали... К-К-КРЕЗИ Понимаете, К-К-К...

Между тем появляется ВТОРОЙ СТОРОЖ, щелчок, выключает ПЕРВОГО, уносит его, как куклу. Возвращается как бы забыв что-то. Поднимает ключ.

ВТОРОЙ СТОРОЖ. Вот, ключ уронил. Ведь все время на виду был. А тут не уследил, на сцену выскочил. Говорить

не умеет, а тоже человеком себя воображает. Ну и работенка у меня – Ночной сторож КРЭЗИ. Иными словами – Кибернетического Реальноощущающего Эмоционального Заики. Это надо же такое придумать...

ОМЕГА появился снова. Он подкрадывается, резкий щелчок, выключает ВТОРОГО СТОРОЖА.

ОМЕГА. Вот так и развлекаюсь каждый вечер. Как будто я – безмозглый ржавый кибер, но думающий, будто он – живой... Один остался, что не говори.

Омега уносит ВТОРОГО СТОРОЖА, как куклу.

ФОКУСНИК

На сцене стол и стул. Появляется ФОКУСНИК в черном плаще с алой подкладкой, в цилиндре. Показывает нам обычный бумажный пакет.

Пакет. Бумажный. Можете взглянуть —
В нем – ничего. Сейчас пакет поставлю
вверх доньшком и по нему ладонью
легонько хлопну...

(Пакет с громким треском сминается.)

Выстрелили? Где?

(Хватается за плечо, недоуменно рассматривает
свою ладонь.)

Что это?.. кровь?.. Я ранен... Вот так фокус.
Нет, только поцарапало... Смешно!
Мой трюк совсем не в этом заключался,
такой игры я вовсе не хотел...
А между тем мой фокус получился!
Вот. Демонстрирую. Пакет. Бумажный
А где, скажите, банка с огурцами,
Которая, конечно, в нем была?..

(Застывает в ожидании аплодисментов, затем церемонно раскланивается, прижав левую руку к груди.)

Благодарю... Но и прошу учесть, здесь – никакого чуда. Есть в журнале НАУКА И РЕЛИГИЯ отдел «евангельские фокусы», и я всегда статьи внимательно читаю.

(Фокусник берет черный цилиндр, показывает его зрителям.)

Вот мой цилиндр, мой черный шапокляк.
Показываю. Пуст, как черный космос...
А между тем мой космос забросает
вас валенками, зайцами, мячами,
подушками, врачами, басмачами,
и денежными знаками, и градом
медалей, орденов и оскорблений,
удачами и дачами, любовью,
бокалами, могилами и мылом,
морскими свинками и целой кучей
цветных платков, мышей и обещаний,
смотрите все внимательно... Сейчас!

(Хлопает ладонью по цилиндру, он с треском складывается. в тот же момент Фокусник с криком хватается за бедро.)

Попало! Снова... Кажется, в бедро.
Нет! в ягодицу, в мякоть... Сумасшедший!

(Кричит.)

Садист и хам! Мазила! Педераст!
Не знаю, где ты, положи винтовку!
Стрелять сначала, дура, научись!

(Садится на стул, с криком вскакивает, плаксиво.)

Естественно, теперь я буду дамам
в метро и всюду место уступать...

(Рассматривает цилиндр.)

Друзья, ура! наш фокус получился.
Все наши генералы и улитки,
все наши танки и морские свинки,
все тени наших смутных настроений
сейчас, пока я хныкал, перед вами
проехали, прошли и пробежали.

Вот – мышь!.. Сейчас поймаю!.. Не успел.

(Замирает в ожидании аплодисментов,
раскланивается.)

Но повторяю: никакого чуда.

И мистики здесь тоже ни на цент

– простите мне грузинский мой акцент —

(С акцентом.)

Уверенности здесь большой процент.

(Из-за кулис достает воздушный шарик.)

Воздушный шарик, он тугой и гладкий

Откуда взялся? Никакой загадки.

Его своим дыханьем породил

я сам – и завязал суровой ниткой.

Он весь наполнен углекислотой.

Теперь, владея этой красотой,

я втихомолку подношу иголку...

Что думаете: с ним сейчас случится?

Нетрудно догадаться, шарик хлопнет —

да, выпустит он стаю голубей,

и голуби по залу разлетятся,

и вас овеет ветер – тени крыльев.

Одни, воркуя, сядут на плафоны,
другие тотчас выпорхнут в окно.
Но фокус в том и будет заключаться,
что станете вы птицами – взлетите
и каждый по желанью своему:
одни, воркуя, сядут на плафоны,
другие тотчас выпорхнут в окно.
А журавлями, чайками хотите —
и чайками вас сделаю сейчас.
Расслабились и приподняли плечи...

(Шарик лопается. Фокусник падает, схватившись за сердце.)

А! Я ранен... Нет! Убит...
Но вижу я: наш фокус получился,
со стульев – белый вихрь – вспорхнули птицы,
вверх, вверх – и снегом в зале закружились,
спеша, толкаясь, вылетают в окна,
над крышами летят, материками...
Друзья, прощайте!.. Никакого чуда!..
Единственно – запомните – любовь!..

(Фокусник умирает.)

СЕАНС ПРОДЛЕННОЙ ЛАСКИ

ОНА выходит на сцену, делает пассы. Из зала на сцену, как загипнотизированный, поднимается ОДИН ИЗ ЗРИТЕЛЕЙ. Она усаживает его в удобное кресло.

ОНА

Не выпрямляйтесь, не тяните шею
Расслабьтесь и слегка откиньтесь. Руки
безвольно легли на подлокотники. Свободней,
как будто вы полулежите в ванне
разнежено под белой шубкой пены —
даю сеанс продленной длинной ласки —
и лопаются пузырьки. Не надо
сопротивляться, дергаться. Спокойно
гляди и слушай – я тебя веду.

Вот протянула я к тебе ладони.
Ты чувствуешь: от рук моих тепло
идет волнами, мягкими толчками,
вот – ямку согревает у ключицы.
Расслабьте узел галстука, рубашку
расстегните – стало жарко,
шерсть будто задымилась на груди.
Вот! чувствуешь. Мои ладони. Гладят.
И все в тебе обрадовалось, будто
всю жизнь ждало – терпело неуют,

вражду и холод – наконец-то дома.
И две ладони, как сестра и брат...

ЗРИТЕЛЬ

Две ласки – два зверька по мне скользят.

ОНА

Вот – волосы мои! – смотри – змеятся
в прожекторе, как воплощенный грех —
и каждый волос тянется к тебе,
и каждый, как иголочка, щекочет.
Сними рубашку, чувствуешь: течет,
как конский хвост, моя мужская сила
с затылка по канавке меж лопаток.
Поток пересекает поясицу —
и все это ликующее войско
сползает вниз в овраг меж ягодиц
черными от пота боками лошади,
которые сжимаешь коленями
мучительно – почти что без конца...
Нет! Ты – мой конь! Отрыжка печенежья!
Собачий сын, помучаю тебя!
Тебя кусаю, распаяясь, всем:
словами, злостью, шпильками, косынкой
в цветах – и розы лапают тебя.
Тебя ласкает кресло гнутой спинкой
и кожаным сидением – терпи.
Тебя ласкает свет, ласкают тени.
И лошадиный раздражает ноздри

влюбленности и пота запах острый,
стоялый дух подмышек и духов.
И как подростка чтение стихов,
твою гортань и легкие твои
ласкает воздух и мое дыханье.

ЗРИТЕЛЬ. Такое я испытывал в детстве, когда меня мыли, водили по телу скользким мылом и терли мочалкой... И еще – солдатом в полковой парикмахерской...

ОНА (*показывает и называет разные предметы*). Тарелка. Белый фаянс. Круглая. Орудие для ласки. Пучок сухого ковыля. Ничем не пахнет. Легко щекочет будто муха. Орудие для ласки. Монашеская ряса. Грубая. Дырявая. Орудие для ласки. Обида. Жгучая. Тяжелая. Орудие для ласки.

Радость. Внезапная. Головокружительная. Орудие для ласки.

Рыба. Скользкая. Противная. Орудие для ласки.

Толпа. Вся разгоряченная. Разная. Орудие для ласки.

Дождь. Кино. Чужая чья-то жизнь. Все это – орудие для ласки.

Пятки обжигающий песок. Волосы хватающий ветер. Обнимающая воду волна. И в крови текущее море.

ЗРИТЕЛЬ

Творится что-то странное вокруг
с предметами: то все разобщены —

бра отчужденно смотрят на портреты
и занавес от рампы убегает.

«Я» мыслями куда-то отвернулся
и свет разъят – присутствует – и все...
то жадно все слипается кругом,
свет слипся с темнотой и позолотой,
ее лицо, и груди, и кулиса
и весь театр течет как пастила...

ОНА

Но дальше, дальше – от себя к себе
тебя уносит теплый полумрак.
Он снизу постепенно затопляет.
Ты смутно виден, как из-под воды —
и быстрые русалочки касанья
затягивают дальше в глубину.

ЗРИТЕЛЬ

Рука чужая. Ногу не согну.

ОНА

Здесь люди и предметы изнутри
как будто светятся пушистым светом.
Пушистые олени и фазаны,
пушистые постели, телефоны,
пушистая луна, как одуванчик,
и женщина в пушистой нагоде.
И все это пушистое тебя
касается, почти что не касаясь.

И пробегают огненные волны,
так быстро и почти неуловимо,
что все в тебе от холода зашлось.

ЗРИТЕЛЬ

Пронизывает ток меня насквозь!

ОНА

Но это я тебя насквозь пронизываю!

Нанизываю на себя тебя!

Пронизываю огненными стрелами!

Нанизываю огненными кольцами!

Где ты где я – уже не различить.

Я начинаюсь где-то за пределами.

Я не кончаюсь пятками и пальцами.

Я излучаюсь радостными птицами.

Я солнцами и криком исхожу —

криками щекочущими, мятными

синими, оранжевыми пятнами...

ЗРИТЕЛЬ

Себя ищу – тебя лишь нахожу.

РОМЕТТА

В полусвете-полумраке склепа среди обрывков парчи и шелка возникает прекрасное юное лицо.

Но если ночь темна, как юный полдень,
то щебетом, как ранний соловей.
Пора расстаться... Нет, еще помедли.
Прижмись ко мне. Плотнее. Крепче. Ну!
Предутренняя хмарь – цветы, и небо,
и соловей сливаются в одно.
В восторге наступающего дня
ты вся во мне – и мы нерасторжимы.
Не разлепить, как десять тысяч братьев.
И если вам придет такая мысль,
нас разлучить разнять, то не иначе,
вам действовать придется топором.

Рометта – я! Мой девичий румянец
и юношеский над губой пушок,
присущая мне женская стыдливость,
движенья угловатые подростка,
мальчишеская пылкость, легкий шаг —
когда бегу по улицам Вероны,
я царственно ступаю по земле —
все! – двойственность и зыбкая слиянность,
ромашки в колокольчики вплетая,

свидетельствует миру об одном,
что вместе мы, что сплетены и слиты
два существа, две сущности, две ветви.
Не скажет вам ученый садовод,
искусствовед вам даже не докажет,
хоть будь он трижды кандидат наук —
привит к Джульетте черенок Ромео
или к нему Джульетты черенок.

Двоящееся вечно колдовство,
то юноша, то девушка, то нечто,
встречая, говорят: – Привет, Ромео.
Смотри, Парис идет к своей невесте...
И тут же обернувшись: – Синьорина,
простите, здесь был, кажется, Ромео...
Ромео! Слушай, что за наважденье.
Мне показалось только, что Джульетту
я видел здесь... Простите, синьорина,
вы часом не Ромео?.. Мама миа!
Допустим, у меня в глазах двоится.
Но не настолько все же я набрался,
чтобы о д н о из них мужчиной было,
д р у г о е – женщина... Так говорят
Бенволио, Бальтазар и все другие

Влюбленные, я – тайна ваших грез.
Любовники, я – цель желаний ваших.
Ромбаба – я, а может быть Джульбарс.
Для чуда, для чудовища такого

ни прошлого, ни будущего нет,
лишь вечное блаженство в настоящем.
Но вечно невозможно продолжаться
блаженству

У меня есть враг – семья,
вернее две – два тигропопотама.
Враждуя, Капулетти и Монтекки
так резво ненавидели друг друга,
что все передрались, перепились,
перееблись, затем переженились.
Меркуцио женился на Тибальде,
Сеньора на кормилице женилась.
Ночной горшок сеньора Капулетти
женился на исподнице Монтекки,
а супница Монтекки вышла замуж
за бронзовый подсвечник Капулетти.
Ха-ха-ха, смешно! Сегодня ночью
он вставит ей претолстую свечу.

А в результате – страшная семья,
чудовищный мой недруг Монтолетти,
всей гидрою – драконом стоголовым,
все эти Капунтекки! Обступили,
испанскими клинками мне грозят.
И в мысль еще совсем не приходило:
меня хотят резать, как ягненка,
на площади Вероны у фонтана.
За что вы ненавидите меня?

Мне говорят: «Ты кашлял у стены
и кашлем разбудил собаку нашу.

У нас – глаза орехового цвета,
а ты орехи щелкала вчера».

Мне говорят: «Ты – наша дочь, племянник,
племянница, троюродный кузен,
сестра и брат! Ну разве это не
причина, чтоб тебя возненавидеть?!»

Вы правы все: я – чудище, я – монстр.
Но ты не меньший монстр – семья Контекки.

Родня Молетти – в неопрятной злобе,

ты вся срослась, как новый Лаокоон:

кормилица, но с головой Бенволио,

Тибальд, но с бородою фра Лоренцо,

Меркуцио с турнюрор Розалины,

а у тщедушного Монтекки – грудь

и томный голос мамы Капулетти:

«О-о мадонна бедное дитя!»

Все прыгают, визжат и шпаги тычут.

Жабо, лохмотья, ржавые колеты,

смешливые глаза, гнилые зубы,

сквозь жирный грим бездарные гримасы,

грифоны, львы, знамена цеховые —

блевотиной, цветами разложенья

воняет эта рыжая парча.

За что? – За то! Им ведомо за что,

за то, что их слепили кое-как,

за то, что душу в глину не вдохнули —

забыл вдохнуть забывчивый Создатель
и глиняные толстые обрубки
по улицам Вероны разбросал.
Да что – обрубки! кажется, клинки
кинжалы всюду прыгают – не люди!
Словами ранят, мыслью убивают.
Здесь обоюдоостро слово «здравствуй»,
а слово «ласка» сизое как сталь.

Не я – себя! меня, меня убили.
В клоаки моя изорвана рубаха.
Смотрите все: на теле сорок ран.
И здесь. И тут. И Кассир. И Брут.
Любая бездарь воет: «Аве Цезарь!»
И тычут прямо в раны будто дети:
«Нет повести печальнее на свете».

БЕДНЫЙ ЙОРИК

(почти диалог)

*Есть многое на небе и земле,
что и во сне, Горацио, не снилось
Твоей учености.*

ГАМЛЕТ

В классической позе, став одной ногой на могильный камень, ГАМЛЕТ разглядывает ЧЕРЕП, который держит в руке.

ГАМЛЕТ. Бедный Йорик...

Здесь и далее ЧЕРЕП говорит устами ГАМЛЕТА.

ЧЕРЕП. Я... Не бойся, Гамлет.
Воспользовался я твоей гортанью,
а также позаимствовал язык.
Живой и красный плещет, будто рыбка,
свистит, хлопочет, будто птичка в клетке.
Отвык от плоти. Тесно, горячо...
Поговорим? Тем более что зубы
свои, как видишь. Зубы – не прошу.

ГАМЛЕТ. Ты шутишь, череп.

ЧЕРЕП. Череп – вечный шут.
Скажи-ка мне, ты можешь отличить
одно зерно пшеницы от другого?

ГАМЛЕТ. Пожалуй, нет.

ЧЕРЕП. А как же ты берешься
мой череп отличить от своего?
Я вправду «бедный Йорик», угадал.
Ты угадал, а мог бы промахнуться,
попасть не в куропатку, а в соседа.
Я той же формы, благородной лепки
и, как у всех датчан, крутой и крепкий,
хоть мой хозяин карлик был – и шут.

ГАМЛЕТ. Ты прав, мой драгоценный белый ларчик,
ты мог принадлежать кому угодно.
пощелкай крышкой.

ЧЕРЕП. Вместе – и потом.
Меня Шекспир тебе подсунул, Гамлет,
чтоб мог ты разразиться монологом
о знатной даме, что ее лицо,
каким бы толстым слоем ни лежали
на нем румяна, вроде моего...
Другую тему мы с тобой поищем.

ГАМЛЕТ. А разве есть другая?

ЧЕРЕП. Видно, есть.

ГАМЛЕТ. Меня одна лишь занимает – месть!

ЧЕРЕП. Не долго ждать козленку. В пятом акте всех забодаешь: петушка Лаэрта, куницу Клавдио и кошку королеву — и тут же в тронном зале на закате — как мне живописать картину эту? — разорванная белая рубаха, растрепанные волосы до плеч...

ГАМЛЕТ. Мне кажется, ты чересчур увлекся, маляр. Так я нетерпелив?

ЧЕРЕП. Потому что – влюблен.

ГАМЛЕТ. Значит, я глуп?

ЧЕРЕП. Как все влюбленные.

ГАМЛЕТ. В кого же, шут, я, по-твоему, врезался?

ЧЕРЕП. Ты втюрился в смерть, дураку ясно.

ГАМЛЕТ. Как же можно втрескаться в такой предмет, дурак?

ЧЕРЕП. А так что даже покончить с собой из-за безнадежной любви, умник. Смерть – известная кокетка. Она и привлекает, и отталкивает в одно и то же время, и не открывается никому. Вспомни, с каким упоением ты слушал, что нашептывает тень твоего отца... А когда ты проткнул шпагой портьеру и острое вошло в живую плоть... И разве ты не полюбил утопленницу?.. Лучше брось все, ложись на этот могильный холмик и усни, дурачок. Сон – репетиция смерти. Кто – спит, разучивает свою роль. А раньше или позже будет премьера.

ГАМЛЕТ. Кроме шуток, шут, что – т а м ?

ЧЕРЕП. З д е с ь ?

ГАМЛЕТ. Т а м.

ЧЕРЕП. Прежде всего расскажи, что видишь вокруг.

ГАМЛЕТ. Пожалуйста, философствующая кость. Вот, разрытая мокрая яма, из которой торчат гнилые доски. На дне ее – два могильщика в капюшонах, видны только носы и взъерошенные бороды. Свежая глина в отвале. Вокруг – кресты, надгробия, склепы. Поодаль кладбищенская часовня. Дальше на пустоши пасется стадо свиней. Все в веерных и бурых пятнах, худые, как кошки, разбредаются между могил, похрюкивая. Из часовни вышел бородатый монах, бра-

нит свинопаса. Свинопас палкой гонит свиней с кладбища. Свинцовое небо, несколько мазков белилами сверху – вот и вся картина. Недаром у художника-итальянца я учился новейшим законам перспективы.

ЧЕРЕП. А теперь, художник, посмотри сквозь мои очки.

Гамлет подносит череп к своим глазам.

ГАМЛЕТ. Пространство заполнено разнообразными плотными формами. Яма. Налита до краев клеем, в котором лениво шевелятся фигуры, поднимаются и опускаются заступы. Между могилами разлеглось зеленое... как бы это назвать?.. межмогилье! Между крестами расположились красивые междукрестья. Между бегающими свиньями – междусвинье то вытягивается, то сжимается. А между монахом и свинопасом ворочается толстое, как змей, монахосвинопасье. Над равниной простирается бледное надравнинье, как засохший сыр. А река вся серебрится и течет навстречу себе... Ergo, обычно мы видим не все яблоко, а ровно половину.

ЧЕРЕП. Меньше, принц, крошечный огрызок, даже не откусить. Поднеси меня ближе и посмотри в мои окна снова.

Гамлет смотрит через глазницы черепа.

ГАМЛЕТ. На дне глубокой ямы – могильщики. А это что?.. Над капюшонами плавает полупризрачное, сдвоенное, колышется, как медуза... отсвечивает лиловым, красным, почти пурпуром...

ЧЕРЕП. Это э р р о е. Оно всюду, где люди. Только всюду разное. Над тобой, как сине-желтый колпак. Над монахом ясное, как серп полумесяца. У свинопаса – тоже серп, багровеющий, кверху рожками.

ГАМЛЕТ. А этот кристалл, светящийся у корней ивы?

ЧЕРЕП. Этот сам по себе. М е с т а к р и з.

ГАМЛЕТ. А эти, плавающие над водой, как волосы Офелии! И еще – похожие, мохнатые клубки! Катаются всюду. И эти – длинные бледные полосы! Черные мельтешащие точки! Они пронизывают меня – и какая-то неуловимая часть моего существа испытывает неизъяснимое блаженство, тогда как остальное замирает от ужаса.

ЧЕРЕП. Спокойно принц. Такое всегда бывает в сумерках. А точки – атомы темноты, мы их зовем м е т ч о т ы.

ГАМЛЕТ. Над нашим унылым Эльсинором обозначаются зыбкие длинные дворцы, однообразно уходящие ввысь и сливающиеся с темным небом. И там вверху и здесь вокруг зажигаются миллионы звезд и светильников...

ЧЕРЕП. Призраки, кочующее будущее... Хотя далекое, близкое, большое и малое – все человеческое, слишком человеческое Гамлет... Вот подул ветер, заколыхались, исчезли... Закрой глаза и посмотри опять.

ГАМЛЕТ (*смотрит*). Постой, сквозь расплывчатые контуры одного могильщика проступает какая-то жуткая сцена: растерзанная мегера душит его самого, пьяного! забавно! А другой копает заступом глину и в то же время бьется в кон-

вувльсиях, на соломенной подстилке, чадящий факел. Чума! Это чума! А кругом кусты, памятники – тоже шевелятся, меняют свое обличье. Мраморный ангел превратился в белую глыбу. Всюду хрюкают толстые свиньи, разрешаясь от бремени. Из них сыплются горохом поросята, которых кормят, ловят, насаживают на вертел, поджаривают на огне и пожирают одновременно. А монах, который вышел из часовни, его обнимает голая девка, и он уже истлевает! А свинопас не успел родиться, уже сгорбленный старик! А сколько кругом процессий! Как людно на этом заброшенном кладбище! Пищат дудки, гудят волынки! Сверху валяются синие... внизу просвечивают зеленые... Розовые проходят сквозь лиловых... Время ускорило свой бег... Вихрем кружатся стрелки и показывают: нет, нет, нет небытия! (*Закрывает лицо руками.*) Вар, Вар, верни мне мою скудную реальность!

ЧЕРЕП. Что, струсил, принц?

ГАМЛЕТ. Не струсил, а страшусь.

ЧЕРЕП. Чем дальше, тем забавней, дурачок.
Показывать?

ГАМЛЕТ. Показывай.

ЧЕРЕП. Смотри.

ГАМЛЕТ (*с закрытыми глазами*).

Боюсь открыть глаза, а вдруг увижу,
что видит червь со дна глубокой ямы
или что видят звезды с высоты.

Положим,ходишь в комнату свою
и зришь: неизъяснимо все вокруг,
а комната твоя полна существ
и лиц, тебе доселе неизвестных...

ЧЕРЕП. Открой глаза. Что видишь, говори.

Гамлет открывает глаза, видит нас.

АМАДЕЙ И ВОЛЬФГАНГ

Перед нами появляется МОЦАРТ АМАДЕЙ, легонький сухой старичок, одетый по моде тридцатых годов прошлого столетия: серая пуховая шляпа, пышный галстук, фрак, узкие панталоны.

Я – Моцарт, Амадей. С Вольфгангом – моим двойником, близнецом, если хотите, вообще не имею ничего общего. Тот был законопослушный сын, обожал своего папочку: «обожаемый папочка», целовал перед сном свою мамочку: «милая мамочка», играл в четыре руки на клавесине со своей сестричкой: «моя любезная сестричка».

Всемогущий творец был моим отцом, гармония – моей матерью. Еще в младенчестве мой дух напрягал божественные мышцы, как Геракл, играя с числами и звездами.

Нет, не Амадей. Это маленький Вольфганг, наряженная и завитая куколка, выступал перед императорскими особами, танцевал с Марией-Антуанеттой – своей ровесницей, тоже – кукольная головка на тонкой шейке. Это его, Вольфганга принимала в доме старого переписчика нот Фридолина Вебера ловкая лиса фрау Вебер с целым выводком дочерей – невест. Это Вольфгангу натянули там нос. Это Вольфганга выкинули из дома архиепископа пинком под зад.

Нет, со мной, с Амадеем, не могло случиться ничего подобного. Со мной всегда происходило другое – грандиоз-

ное... За городской стеной на ольхе пробова́л, распевался ранний соловей. Мягко лиловели горы. От всех лиц веяло какой-то необычной свежестью, новизной. **ВДРУГ МИР СТАЛ РАСКАЛЫВАТЬСЯ, КАК ПЕРЕСПЕЛЫЙ ТУРЕЦКИЙ АРБУЗ... ФОРТЕ! ФОРТЕ! ФОРТИССИМО!..**

И в этом не было ничего смешного, потому что, едва удерживаясь на куда-то ухнувшей подо мной земле, надо было раскланиваться, говорить комплименты и вообще поддерживать беседу... Меня куда-то вели, о чем-то расспрашивали... Одну сестру звали Алозия, помладше – Констанция... А я дирижировал, дирижировал неизвестно откуда взявшимся оркестром...

Казалось, я – шекспировский Просперо и палочкой волшебной вызвал бурю в самом себе... Я с места не сойду, пушу я корни здесь у вас в гостиной, где шелест платьев, розы и тюльпаны, где дышат итальянские глаза. С какой воздушной флорентийской фрески сошли вы обе? Две сестры – две темы. И обе темы, будто две сестры, дурачатся, ласкаются друг к другу. Ревнивый взгляд, посыпались упреки и слезы: «Злая! Не люблю сестру!» «Дождешься, дура, у меня пощечин». Перемежаясь, на траве холмов — и тени облаков и дождь и солнце...

и в небе – ястреб, птичеловек...

Сто зальцбургских блаженных колоколен!

Дилижансы и кареты увозили нас из маленьких старогерманских городков, из нашего детства, колыхаясь по-утиному на разбитых дорогах, надолго бросали якорь у придорожных трактиров, где пиликали дешевые скрипки. На столах, залитых пивом, глиняные кружки: кружка в виде гнома, высокая – в виде средневекового города, кружка-бочка, на бочке – лягушка, пей, птичка, пей! Хлопни по круглому задику эту голопузую кружку!

В Вене ночами я подстерегал Вольфганга на пустынных улицах, подхватив его под мышки, помогал добраться домой. Мертвенно белели лепные особняки, облитые белым светом луны – этой светской бесстыдницы середины восемнадцатого века. И далеко отбрасывая длинные ломаные трагические тени, тащились по брусчатой мостовой две фигурки с одинаковыми белыми лицами – Вольфганг и Амадей.

Я заботливо укладывал в постель бесчувственного двойника сам, чтобы не тревожить служанку, убирал на паркете его блевотину. Гасил все свечи кроме одной, вставал за конторку и писал, писал до рассвета. Я слышал, как братец мой легко дышит и по временам что-то быстро бормочет. И ломались, брызгая чернилами на линованную бумагу, гусиные перья...

Нет, без Вольфганга, без него я не мог – ничего бы у ме-

ня не получилось. Мне нужна была его нежная душа, его простодушие и некоторый педантизм. На мир между тем он смотрел прохладно. Я БЫЛ ГЕНИЙ, НО ОН БЫЛ ИСТИННЫЙ МУЗЫКАНТ.

Я погибал без него, погребенный под грузом нерожденных созданий. Бесформенной массой недоносков они воровались у меня в душе и, не находя выхода, порождали картины дантова ада.

Но вот являлся Вольфганг, он что-то насвистывал, вот это (*напеваает*): «Дай руку мне, красотка!», или это: (*напеваает*), нет еще такое: (*напеваает*), нет, это – великолепное, потом это пела вся Италия: (*напеваает*) «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный».

Вот! Вот она – тема! Поскорей записать, не рассуждая, не думая!

Я творил в уединении, а вся слава доставалась ему. С нищими собутыльниками, с потаскушками, стоило поглядеть, красавец. Лицо востроносенькое, слегка побитое оспой – печеное яблоко; щедедушное, с огоньком тело; тонкие, кривоватые ножки и ручки, которые никогда не оставались в покое. Глаза – голубые, быстрые, как ласточки. Нет, я не просто завидовал.

Когда Вольфганг играл на клавесине,
играл волной и солнцем Амадей.

Когда Вольфганг болтал и улыбался,
молчал и замыкался Амадей.

Когда Вольфганг гулял в коляске с женой,
нередко им встречался Амадей.

Когда Вольфганг его окликнул громко,
ушел – не обернулся Амадей.

Когда Вольфганг легко царил в оркестре,
был самой жалкой скрипкой Амадей.

Когда ж я «Дон Жуаном» дирижировал,
он восхищался – слезы на глазах!

Это было невыносимо. Этого нельзя было больше терпеть.

Все было режиссировано мной заранее. «Знаешь, Вольфганг, – сказал я ему, – посидим, как бывало, ты да я». Он принял приглашение охотно, даже обрадовался.

До сих пор многие считают, Моцарта травил коварный Сальери из низкой зависти. Русский гений Пушкин – тоже. Ошибаетесь, господин Пушкин, Вольфганга убил я – Амадей. У меня был железный перстень с большим зеленым камнем, «последний дар Изоры». Я всыпал ему яду в вино.

Если вы пройдете от чугунных ворот старого венского кладбища вправо и вглубь, и дальше по дорожке, усыпанной красным толченым кирпичом, в самый угол, там у дальней стены вы сможете обнаружить маленький холмик без ограды. Могила для бедных.

Потом я прожил долгую жизнь. Виски мои поседели, я стал тяжелей опираться на мою толстую трость.

**И ВСЕ ЭТО ВРЕМЯ В ПУСТЫННОЙ ДУШЕ МОЕЙ,
ВСПУХАЯ, КАК ТЕМНЫЕ НАСЫЩЕННЫЕ ВЛАГОЙ**

ОБЛАКА, НЕОХОТНО ВОРОЧАЛИСЬ МОИ НЕДОНОСКИ, МОИ НЕРОЖДЕННЫЕ СОЗДАНИЯ. И ЭТО БЫЛ АД ВТРОЙНЕ.

Как позднее писал Стендаль своему другу Леи де Леку: «Мой друг, Гайдн, которого вы любите, этот редкостный человек, его имя излучает такой ослепительный блеск в храме гармонии, еще жив, но как художник уже более не существует».

СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ – 1

Из темноты на пустой сцене высвечивается пустой стол, стул, лампочка с железной тарелкой. Поодаль неподвижно стоит ЧЕЛОВЕК в квадратном коричневом пальто, квадратное лицо, квадратные веки, квадратная челюсть, шарф повязан небрежно. Говорит хрипловато, сипловато, как бы поскрипывает.

Хоть не витал, но Гоголь в чем-то прав.
Жена как сядет, как раздвинет чресла,
не человек – панбархатное кресло,
а я попроще, я – славянский шкаф,
как был изображен в журнале НИВА,
весь в деревянных яблоках, красивый,
на дверцах розы – тонкая резьба,
и ящичек – посередине лба.
НОВЫЙ ВСЕМИРНЫЙ АТТРАКЦИОН!
ЧЕЛОВЕК – ШКАФ!
Хоть не смотрел, но Чехов в чем-то прав.

А шкаф – он тоже уваженья хочет.
Тут, спину – древесину кто-то точит —
отчаянный какой-то червячок.
Хоть я не пью, но изнутри печет...
Здесь в верхнем левом ящичке – посуда.

(Из левого грудного кармана пальто извлекает бутылку водки и стакан.)

Закуску достаю всегда отсюда.

(Из другого кармана достает яблоко и конфету, яблоко обтирает, конфету обдувает.)

Классическое яблоко. Конфетка.

Внизу – в белье крахмальная салфетка.

(Роется в карманах, достает не очень чистый носовой платок, расстилает на столе, ставит посуду, еще раз обтирает яблоко, помещает его в центре натюрморта, любит.)

Буль-буль-буль-буль!

(Выпивает и закусывает, пауза.)

А на дворе – июль...

Там задирает ветер занавески
и небо голое во всем бесстыдном блеске!

Скулит кобель – его кусает сука...

А где-то этажерка из бамбука...

(Выпивает и закусывает, пауза.)

Денатурель!.. Ехидна!..

Но, однако —

пользительно для крепости, для лака.

Блестит лачок – сучки мои, жучки,
все это – ордена мои, значки.

Я славный, я державный, я славянский,
да! С надписью на спинке хулиганской.

Не веруешь? Вот бог, а вот порог —
и раздавлю, кто станет поперек!

(Выпивает и занюхивает.)

Сам поперек дверей стою в конторе.

Гуляют хилоножки в коридоре.

Торопится коленками... Ну что?

Ушибся больно?.. Бедный – чуть не плачет.

Я, говорю, поставлен здесь на то,
чтоб чувствовали, понимали, значит.

(Выпивает, может быть, закусывает.)

Слышь, где-то про проскрипции скрипят,
пора, мол, разломать на щепки ящик,
меня на дровяной отправить склад?
Я, может, палисандр настоящий!

А если, предположим, Александр
Свет-батюшка, царь Александр Третий
в меня гляделся, точно, палисандр.
В прихожей Куприна я как-то встретил.
Один чиновник, брал кузнечик взятки
открыли утром, а оттуда – пятки...

(Показывает, вздыхает.)

Эсера, помню, прятал я в себе
и рыжего из РСДРП...
Идейные бородки и усы...
и Мозера карманные часы...

(Выпивает и не закусывает.)

Зимою восемнадцатого года
в расход чуть не пустили – на дрова.
Я помню гибель красного комода
в «буржуйке». Революция права! —
стреляли звонко из печурки чурки...
На стенке – лозунг, на полу – окурки...
А позже – перемены, переезды...
меха и рыба, тресты и аресты...

(Рассматривает пустую бутылку.)

Так дожил я до нынешних времен.
Рассохся, правда, но не поврежден.
Я, может быть, в редакции ИЗВЕСТИЙ —
герой труда стою на видном месте.
Ты погоди архив сдавать в утиль.
«Дела» мои достанут, сдунут пыль...
всем этим дурачкам высоколобым
я стану обвинителем и гробом.

Недаром говорил столяр Бугров:
«Шкаф есть буфет и человеку гроб».

СЛАВЯНСКИЙ ШКАФ – 2

Сцена представляет собой комнату, заставленную разнотильной мебелью. Справа – кожаный диван. Посередине стол и стулья с высокими спинками. В глубине тяжелый буфет начала века с горельефами – фавнами и ангелочками. Слева неподвижно стоит высокий квадратный мрачноватого вида человек с квадратным подбородком, в темно-коричневом пальто. В петлице – восковая желтая роза.

Мы все лишь притворяемся людьми.
А стоит по-особому взглядеться,
почувствуешь: не человек, а лошадь,
и ржет по лошадиному. Другой —
валун в долине где-нибудь, не сдвинуть.
Тот – валенок. А тот – вчерашний день.
Есть девушки – не девушки, а блюда
фарфоровые и на свет сквозят.
Есть женщины – не женщины, а лето
на даче, как смородина поспела,
висит гамак и некуда спешить.
Есть люди – самолеты, люди – рыбы.
Есть люди-поезда и люди-рельсы.
Есть люди-недомолвки, люди-пена.
И есть чудак – почти что человек.

А я? Мне говорят всегда: – Подвинься,
загородил проход. Не видно света.
Опять ушибла об тебя коленку!
Какой упрямый, деревянный просто!
Всегда скрипишь, всем вечно недоволен...
Ты что у нас, для мебели? Послушай,
откройся нам, нельзя так замыкаться...
Мне кажется, что я – тяжелый шкаф.

Да, уж не тот... Скрипят все сочлененья
от ревматизма... Старые комоды,
кровати, кресла, даже жардиньерки
разохаются ночью, раскрипятся...
Да не от боли больше, от хандры.
Нам чудится, так сладко ноет «прежде»,
когда гляделись в наши зеркала
любовники с усами кверху стрелкой,
любовницы в тяжелых платьях с треном...
А может, отраженья были мы?

Или сосед мой старина – буфет...
Спать не дает – стучит гремит всю ночь.
Мечи и крылья – там! рога и лозы!
Там фавны с ангелочками дерутся.
А утром – из ореха горельеф.
Одно от ипохондрии – лекарство.
Здесь у меня всегда стоит посуда.

(Из кармана пальто извлекает бутылку водки и

стакан.)

Закуску я отсюда достаю.

(Из другого – половинку огурца.)

В белье лежит крахмальная салфетка.

(Из кармана брюк извлекает не очень чистый носовой платок.)

Я не любитель напиваться в доску,
а так, чтоб только – отлакировать.

(Выпивает, закусывает.)

Теперь мы выпьем, как протрем бархоткой.

(Выпивает, не закусывает.)

А третью выпьем в стиле рококо!

(Выпивает.)

Не люди, а карельская береза —

Разводами, разводами пошло...

(Ищет в карманах.)

Где бутерброд?..

(Достает мертвую ласточку.)

А! Ласточка?.. Мертва...

А я когда-то думал: кто там бьется?

Какой весной в меня она влетела —

и не заметил. Верно, испугалась,

затрепыхалась в темноте, забилась

о стенки... долго путалась в одежде...

Разинут клюв, от страха умерла.

От страха даже кони умирают...

(Плачет.)

Чувствительнейший дуб! сентиментальный

сарай! сырая глупая осина!

(Утирает слезы.)

Но все же – гостя... Может быть, она

меня дискредитирует как личность.

Я – не поэт, не музыкант, не ветер,
чтобы весною бабочки и птицы
в мою грудную клетку залетали.
А тумбочкой я был давным-давно.
Взять за крыло и выкинуть в окно?..
Нет, нет, оставлю лучше, чтоб о н и ...
когда придут разламывать на доски
меня, как старый дом, в морозный день,
пошарив, обнаружили шкатулку
из темного ореха с музыкальным
секретом. И когда откинут крышку,
пусть скажут: все же было что-то в нем...

(Бережно прячет птицу.)

Жизнь мертвая, словесный скрип и ветер.
По ящикам пустым гуляет вьюга.
Сквозь щели тянет струйками поземка...
Я – фортепьяно гулкое! Запели
во мне альты, виолончели, трубы.
Я, может быть, органом быть рожден!
Я был бы громок, дивен и прекрасен...
Но пьяница – краснодеревщик Васин
органы делать не умел. Зато
он сделал из меня отличный шкаф
весь в деревянных яблоках и розах.

(Достает из кармана большое яблоко, долго смотрит

на него, улыбается.)

ЛИЦО

Человек после сорока, скорей всего научный работник, может быть – актер-любитель, сидит на стуле перед зеркалом, как в гримерной. Человек изучает себя в зеркале. На столике и стуле – картонные коробки.

Набухли веки. И морщины резче.
Да, к вечеру морозней седина
Лицо для будней. Каждый день с утра
хватает, надеваешь торопливо.
Разглядишь наспех... Кашляешь, спешишь...
И все кругом, на улице, в метро
торопятся и лица поправляют,
едва ли не роняют на ходу
А праздничные далеко не всем
доступны... У меня зато – набор.

(Поглаживает свое лицо.)

Открытое, как городская площадь.
Простое, как приказ по институту.
Привычное, как старая тахта.
Да вот устало – целый день таскаю,
пора ему в коробку – отдохнуть.

(Снимает свое лицо, кладет в коробку, тут же надевает другое – продельывает это быстро, привычно.)

Для вечера – и выбрито уже.
Иду в театр... Животное! забыл! —
придет сегодня Машенька! Ведь я же
с работы ей звонил!.. Нельзя, нельзя...
Где у меня лицо «киногероя»?
Потасканное, злое – с молодыми
глазами – и на лбу седая прядь!

(Ищет, роется в коробках.)

Опять отдал приятелю!.. Опять
надеть придется «доброго младенца».

(Быстро снимает одно лицо, надевает другое,
смотрится в зеркало.)

Великовато. Щеки отвисают,
расплывчатые мягкие черты.
Чтоб этот поролон, румяный блин
немного оживить, очки надену.

(Надевает очки, любуется.)

Добряк. Жуир. И знает себе цену.

(Звонит телефон. Он берет трубку.)

Алло, алло... Да, слушаю... Ах, Ника!..
Да, Ника Вячеславовна, очень-очень
признателен... да, буду... как всегда...
Нет, нет, не занят, буду аккуратно...
Привет супругу... (*кокетливо*) Чуча!.. Чудера!

(Кладет трубку телефона, задумывается.)

Парадное лицо надеть придется.
Есть целых три. Одно – для именин.
Другое – для коллоквиума. Третье —
почтительно-улыбчивое. Вот!..
А если то, со «сдержанным восторгом»?
Но чересчур!?? Успеть купить цветы...
Не опоздать бы... Будут дипломаты...
Еще одно... не розы, а гвоздики...

(Рассуждая таким образом, поспешно примеряет
разные лица. Вдруг замирает.)

О, господи!.. Что это я наделал?
Чужое, незнакомое... Скорей
содрать его и прежнее надеть...

(Пытается снять чужое лицо.)

Приклеилось... Присохло... Чу-де-ра!
Откуда?.. Черт! подсунули, конечно!
А я – дурак хватаю, не гляжу,
пришлепываю!

(Разглядывает себя в зеркале.)

Ну и физиома!
Не то чтобы уродливая, просто
такое вопиет здесь торжество
самодовольства, пошлости и фальши...
Пир глупости!! Убожество разврата!
На гладком лбу – бездарности печать!

(Плюет в зеркало.)

Куда теперь идти? В какие гости?
Враз углядят, осудят: «А, голубчик,
вон ты какой! А мы не замечали,
считали симпатичным, остроумным.
Ан, ты – дурак. Ступай-ка, братец вон...»
И крики, и тычки со всех сторон!
Головки птичьи, морды носорожьи,
свиные рыла, обезьяньи рожи!

А гаже всех – ухмылка динозавра:
«Я завтра занят... Да, и послезавтра...
На той неделе, может быть...» Конец!
И будет презирать еще наглец!

Остаться дома? Машенька придет,
посмотрит простодушными глазами,
лиловыми, как темные фиалки,
и скажет: «извините, мне пора —
и мама беспокоится»... Ах, мама!
Уродина – твоя мамаша! Мымра!
Кривое зеркало! Капустное хлебало!
Сосиськорыл!.. прости меня... прости...

(Плачет, пытается снять чужое лицо.)

Быть может, еще можно... как-нибудь...
Хоть отскрести... или распарить в ванне
сначала... Бритвой срезать?.. Не могу...
За что мне наказание, за что?

(Становится на колени.)

Скажите, перед кем я провинился?
Перед какой иконой мне ползти?..

(Пауза.)

(Вдруг его осеняет.)

Нет, нет!.. А что?.. Мне кажется, я – голь,
которая на выдумки способна...
Возьму сейчас картонную коробку
и вырежу отверстия для глаз,
две дырки для ушей, одну большую —
для рта... Вот так... Покушать я люблю...

(Вырезает в коробке отверстие, надевает как маску,
завязывает тесемками.)

И в обществе не стыдно показаться!
Я тут же стану темой разговоров!
Кто я? Людовик или просто Вовик?
В горах пропавший без вести Егоров?
А может быть, я – рыба, толстолобик?!
Я – мистер ИКС! – Я – тот смертельный номер!
Наследник трона – старый князь Владимир!
Я сам не знаю – жив я или умер...
Я – Поженян! Нет, этого мне мало...
Сорвете маску, я под маской – Мао!
Я – Калиостро! Троцкий! негритянка!
Тигр! Нет! гибрид профессора и танка —
Калимотор!.. Все выдержит личина.
Причина? Неизвестная причина...
Кинжал и мрак!

УПАКОВЩИК

То приближаясь, то отдаляясь, бродит среди нас УПАКОВЩИК, старый еврей с рулоном цветной упаковки.

Упаковка! Отличная упаковка! Блестящая, хрустящая! Не маркая, не жаркая! Не бумага, не туман, не пластик – упаковка стиля «Фантастик»! В любую погоду делает моду. Если не хотите вещью рисковать, все, что вы хотите, могу упаковать. Если у вас денег нет, упакую, как в банковый билет. Если девочка – высший класс, завернем, как в тафту и атлас. Любой кусочек дерьма нарядим так, что сойдете с ума!

Прежде всего разрешите изложить профессиональную философию. Мало сказать, все вокруг упаковано: в кожуру, в чешую, в перышки. Все требует особенной упаковки – для покупателя. Моя мечта – каждый атом завернуть и подать отдельно – с бантиком... может быть, тогда настанет... что-нибудь да настанет.

(Замечает стул, осматривает его.)

Стул. Стул – и никаких хитростей. Годится. Отмеряем. Сочиняем. Придумываем.

(Упаковывает стул.)

Получите... А что получите? Вот тут-то все и начинается. Был стул. Просто стул. Просто был. Сел – встал. Постоял –

сел снова. Ноги вытянул... если есть куда. О чем размышлять! Ну еще один стул. Что, я стульев не видел! Да отстаньте от меня со своим стулом! Уберите куда-нибудь! В окно выбросите! Надоело...

Извините! Где стул? Какой стул? Причем тут вообще стулья, столы, кафе самообслуживания, рестораны, перроны, аэродромы. Бабочка. Махаон. Павлиний глаз. Крылышками мигает, усики топорщит. Не подходите. Вспугнете. Упорхнет. Сесть?! Конечно, если вы считаете, что на мотыльке можно лежать и болтать ногами...

(Надевает стул на голову.)

Э т о можно еще на голове носить в виде шляпы. Может быть, какие-нибудь пошляки назовут это кепкой. Но, по-моему, это папская тиара, а возможно и тирская пиара. Головной убор кадика ацтеков, если позволите. На крайний случай, дамская шляпа с перьями страуса, спелыми грушами и виноградом, с белым парусом и отдыхающими, расположившимися на полях. В общем, сцена, театр.

Сейчас отдернется занавеска и из-за ширмы выскочит... (*голосом Петрушки*) Здравсте, здравсте, разные власти! Наши отцы, благодетели! Петрушка сейчас вам даст взятку – яйцо всмятку. А вот и свидетели...

(Переворачивает стул кверху ножками.)

Бум! Бум! Магическая маска из Лейпцигского музея! Маска африканского бомби! Бум! Бум! В меня вселился дух

повешенного колдуна! Бум! Бум! Я нашлю на вас «нашлю».
Бум!

(Кружится, танцует со стулом на голове.)

Бомби! – замби! Вымби – омби! Амби – лумби! Ламби –
гумби! Гамберт – Гумберт в нимбе – клумбе симба домба на
дивамбе!

(Вдруг останавливается.)

То, что у меня на голове, чудо. А чудо необходимо. Чудо
должно быть явлено народу. Чудо надо нести. Я пронесу это
чудо по городам, по шоссе, пусть меня обгоняют фургоны
и автобусы. Выгляните! быстрее! Вы увидите: в дорожной
пыли на обочине человек с чудом на голове...

Люди, я несу вам великую истину: **НЕТ УПАКОВКИ
КРОМЕ УПАКОВКИ И УПАКОВЩИК – ПРОРОК ЕЕ.**

(Ставит стул на ножки, осторожно, как бы боясь
кого-то спугнуть, заглядывает за упаковку внутрь.)

Да, да. Все, в кого вы верите, т а м. Верно говорю. Хри-
стос? Пожалуйста. Вот он. Смотрит мягко и грустно... Буд-
да? (*Заглядывает внутрь.*) Здесь. Миндалевидный глаз по-
лузакрывает голубь – и видит, что все не стоит, чтобы на это
смотреть... А вы, который ни во что не верит... Да? А в
свое начальство? Там оно. Можете заглянуть. (*Заглядывает
в упаковку.*) Видите, ручкой помахивает... А если вы, пред-
положим, совсем с ума сошли и верите в собственного со-
седа... (*Заглядывает за упаковку.*) Здесь-то, здесь, родной.

О колено облокотился, Родена изображает... Да если кто в совсем несерьезное, ну, хотя бы в лягушку верит, там – она, там. (*Заглядывает внутрь.*) Точно. Лягушка на стуле. Кто верит, тому и провещает. Как в сказке. Да не божество она – эта лягушка, не в лягушке дело. Форма есть любое содержание.

Милые люди, ответ на все ваши вечные вопросы висит на кончике языка. Так говорит Небесная Упаковка. Все, в чем вы нуждаетесь, у вас уже есть. Так говорит Небесная Упаковка. А что отыметя, того и не надо было.

Вы голодны, вас мучит жажда?.. За край чаши переплеснула вода, брызнули капли на песок... Ведь чего вы все так жаждете Жизни! Жизнь у вас уже есть. А если отыметя, то и не надо было. А если вам все это не нравится, разорвите упаковку в клочья, разбейте этот проклятый Стул, да и себя заодно!

ВЕСЕННИЙ БУКВАРЬ

По размытому раздрызганному проселку шлепает ЮНОША в резиновых сапогах. Он в стеганом ватнике, скуловат. Останавливается, смотрит в небо. Показывает ему большой толстый язык.

Не дразню никого, нет. Просто говорить не умею. Не научился. Думать, пожалуйста. А говорить – дудки. Это же надо звуки произносить. Одни такие выгнутые, круглые. Другие, все – крючками, крючками, будто идешь по лесной дороге, о корни спотыкаешься. И потом звуки – они большие. Кажется, пустишь его раскатисто, он и покатится, еще задвинет кого-нибудь. Может быть, старушку... Хоть и страшно, а любопытно, как это про-износить? Износить, что ли, сначала?

(Из-за пазухи достает БУКВАРЬ, разглядывает.)

Думаете, у мальчишки какого отнял. Или на яблоко выменял? В библиотеке дали. «Все, говорю, надоело. Одно и то же. Дайте Букварь, может научусь чему». Мне и дали. «Страницы только не рви, говорят».

(Читает.)

А. А. У. АУ. Забавно! АУ! (*Кричит.*) А-А-У! А-у-у-у!.. Пошло, пошло, поехало! Над полем, над прошлогодней стерней, над жесткими кочками... А там лес передовые елки

выставил... (С беспокойством) Заденет, заденет сейчас! За маковку!.. (Облегченно) Выше ушло. Теперь – к горизонту. Дрогнула там струна... Обратно покатилося. Шумное, лесное с этаким подкатыванием... А-у-у... В пыльный бурьян ушло, только сухие былинки колыхнулись...

Вот что значит говорить уметь! Ты как флейточка, кларнетик, может быть, скрипочка какая-нибудь. А тебе – на рубль тыща – целый оркестр! И такие завитки там образуются, если вчувствоваться: лезет холодным носом, толстым водянистым жгутом лиловый подснежник из льдистой земли... – да времени нет! АУ – и все тут. Хороший человек – Букварь. Только открыл, кажется, всему научился.

(Читает.)

«А. У. У. А. УА». Наоборот получается. Но если АУ – это все, значит, УА – это я. УА-уа-уа, варится во мне тайна моя. Вот где – под ребрами – интрига. У А-рочается разе-уа-ет свое уа. Погладить надо, поерошить, иначе не живет.

А кругом весна: всякие там АУ и разные УА. Небо, конечно, АУ! Самолет... Самолет – УА. Он ведь тоже младенец в небе, летит, плачет, уа-уа! И настроение выходит – УА. Как много я уже знаю. Еще больше хочу знать.

(Читает букварь.)

МА-ША. ШУ-РА. МА-ША МА-ЛА. у ШУ-РЫ ША-РЫ. ШУ-РА УМ-НА...

Вот оно что – ШУРА УМНА! Как все раздвинулось, как-

то разлепилось, отделилось друг от друга, перестроилось сразу. Одно проступило четко. Другое к горизонту ушло, как бы дымкой подернулось. Отдельные предметы обступили меня. самостоятельные вещи. И каждую я свободно могу назвать. *(Показывает на себя.)* МАША МАЛА. *(Вздыхает.)* Это правда, конечно. *(Показывает снова на себя.)* Но – ШУРА УМНА. *(Показывает на свой лоб.)* У ШУРЫ ШАРЫ...

Далеко весной видно. Там край нашего поселка. Смотреть не на что. Два трехэтажных барака, белые. Дерево на огороде – будто вывихнутое. На ветках тряпка висит. Нет, нет, теперь все будет иначе. Все будет хорошо. Все своим именем назову...

Одно строение – МАША. Чудесно! Другое, штукатурка над дверью облупилась, пускай – ШУРА. Замечательно! Окна в сумерках жидким чаем светятся. И дерево не обижу, пусть тоже – МАША. Собака по дороге трусит – ШУРА. Человек идет – МАША. Еще один – бежит, ШУРА... Погодите, что делают? ШУРА дерется. МАША падает. *(Кричит.)* НЕ БЕЙ ШУРА МАШУ. МАША МАЛА.

Не слышат. Не знаю, из-за чего это у них вышло... А если и узнаю, зачем все это нам? Наше дело назвать, обозначить. Одинокая галка пролетела – МАША. Большая лужа на дороге – ШУРА. Магазин, да там и на вывеске намалевано, отсюда видно – МАША. Махнула светом, бухнула фанерная дверь. Только и остается сказать: ШУРА УМНА. ШУРА УШЛА. А МАША?

Сразу стало как-то понятней жить. И приятней. Что с ними далее-то случится, как разовьется? Дадут ли ШУРЕ на шурины шары бутылку или – уже закрыто? А МАША, может быть, утерла рукавом соплю с кровью и пошла себе, не очень и обиделась. Что делать – МАША МАЛА. А ШУРА, которая собака, верно, где-то уже возле станции бежит, хвост баранкой. По платформе ходят ШУРЫ и МАШИ. И почти у каждой ШУРЫ ШАРЫ в авоське. А в бурном весеннем небе МАМА МОЕТ РАМУ. Вон и краешек луны, заблестела.

Течет, стучит электричка. В вагоне – ШУРА и МАША. ШУРЕ хорошо – весна. МАШЕ хорошо – весна. И тебе – в тебе такое: с утра до поздней ночи МАМА МОЕТ РАМУ! МОЕТ добрая душа, МОЕТ РАМУ – и все! Все ты можешь назвать, все изъяснить. В смысле ясности.

ДЕРЕВЬЯ

*Новогодняя елка —
прообраз вселенной.*

Перед нами возникает стройная молодая ЖЕНЩИНА в несколько фантастическом зеленом одеянии. Действие происходит, может быть, не в таком уж далеком будущем.

Светлее стало в мире. Люди стали
под Новый год, как елки, наряжаться.
На лбу развесят радости свои
и ходят – развеселые деревья.
Идут, звенят стеклянными шарами,
издалека лучатся мишурой
Встречаясь, поражаются друг другу:
«Как ты сверкаешь! – новая любовь?»
«С надеждой поздравляю, не разбей
нечаянно – надежды очень хрупки».
«Что ж ты навесил на себя, чудак,
чужие достижения и восторги?..»
«А это – грусть о прошлом, о прекрасном —
блестит слезой, но выше подними...»
И все стоят, окружены детьми,
и светятся...

Рождественская ночь.

На улице спешит куда-то снег,
спешат глаза роскошно распахнуться,
торопятся знакомства завязаться.
События, постойте за дверьми!
Сейчас для вас нарядной елкой стану,
есть руки, пальцы, пуговицы, крючки,
на всякий случай – волосы и уши,
и даже ноздри – в нос тебе кольцо! —
и можно между ягодиц зажать
какую-нибудь ленту, погремушку
в подарок новорожденному году.

(Ставит перед собой цветную корзинку, опускает
туда руку, перебирает.)

Надежда, радость, сожаленье, грусть...
Но есть и необычное, иное...
Незримое меня украсит пусть!

(Достает из корзинки б а с т а н.)

Магический б а с т а н – вот украшеньё!
Пусть на макушке будет – в волосах.

(Прикалывает б а с т а н к волосам.)

Когда наступит полночь, мой б а с т а н
раскроется и станет б а с т а р а к о м.
Со мной случится все! – под этим знаком.

(Вынимает из корзинки м е ф у н и ю.)

М е ф у н и я – зеленая с крючками
приснилось мне... Проснулась, на подушке —
зеленая... С тех пор ее храню.

(Цепляет м е ф у н и ю за пуговицу.)

От дураков и от недобрых глаз,
от политических переворотов
обережет рогатый черный б у с и к.

(Вынимает из корзины б у с и к.)

Я этот б у с и к на ухо повешу.

(Вешает б у с и к на ухо.)

На Кубе сумасшедший журналист
в седых усах, с косматой сивой гривой,
мне эту к а м е р а д у подарил.

(Берет к а м е р а д у, вешает ее на другое ухо.)

Она всегда стреляет синим, если
твой собеседник искренен и добр.
И этот отблеск падает в бокалы —
и сразу в них шампанское кипит.

(Из корзины вынимает л а п и д, показывает его
публике.)

Из космоса упал ко мне л а п и д
багряный – он почувствовать дает,
что чувствует на свете все живое:
страх, радость, боль – но интенсивней вдвое.

(Украшает себя л а п и д о м.)

Люблю с в и р е и золотые нити.

(Украшает себя с в и р е е й.)

А вот м а с т а м а г о н и я, взгляните.

(Набрасывает на себя м а с т а м а г о н и ю.)

Лети сюда, блуждающий огонь.

Сейчас он сядет на мою ладонь,
живой и полосатый, будто зебра.

(Протягивает ладонь, на которую спускается ф и о л
а н н ы й э б р а.)

Все! – даже то, чего на свете нет,
ты мне покажешь, ф и о л а н н ы й э б р а.

Я – дерево на берегу Земли.
Я – дерево и простираю ветви
к вселенскому – в неведомое – древу,
к горящим солнцам и шарам планет.

КОЗЛОБОРОДЫЙ КОНТРАБАС

Перед нами возникает худосочный СУБЪЕКТ:
жидкие усики, козлиная борода. Несколько истеричен.

Когда я так вытягиваю шею —
козлиный профиль мой похож на гриф
гитары, только менее красив.
Невзгоды в шее вырыли траншею,
вот и похож я на картину ту...
Как ухвачу себя рукой за шею
и проведу смычком по животу!..
Да если бы не дека и не лак,
я был бы точно – репинский бурлак.
Жена меня убьет. Так мне и надо.
Общественность жует меня, жует.
Начальство топчет башмаками гада.
Терплю и пью – червяк во мне живет.
Нет! хочется подняться и сказать:
«Не рвите струны – нервы не трепите!»
Гипнотизер мне: «Спите, спите, спите» —
И сонно закрываются глаза.

(Закрывает глаза, начинает двигаться на сцене, как в замедленном кинофильме.)

И снится мне: кругом шумит толпа
прекрасных инструментов. Без ошибки
определяю: там – альты, здесь – скрипки,
вот пробуют фаготы, чу! Труба.
Настраиваются мои соседи
на что-то грандиозное. Я сам,
прислушиваясь к дольным голосам
и согреваясь в солнце на рассвете,
какой-то подколенную струной
дрожу. Меж тем свой ровный голос строю
в строю других, как важный контрабас —
и если я подонком был порою,
то отрешен и выверен сейчас.
Как метроном – похож на человека,
но выше и прекрасней во сто крат —
я золотой и пламенный – и небо
открыто мне, где ангелы парят!
Вот херувимы к скрипкам полетели
и сходит серафим к виолончели.
Вознес трубу архангел Рафаил
и как подсолнух солнцу протрубил.

(Говорит со страстью.)

Я слышу: чья-то тень меня покрыла,
на гриф легла огромная ладонь.
Как напряглись мои витые жилы! —
и я исторг исчерни – золотой

крик ярости! Я понял: мой соперник
могуч, как Прометей или Коперник,
что у престола он один из первых.
И стали мы бороться: я и он...
И был я вознесен. И т а м, заплакав,
признал: «ты победил меня, Иаков» —
среди ликов и зверей, очей и знаков —
и гласов, и хвалы со всех сторон!

(Играет беззвучно, водя рукой поперек живота, как
смычком. Пальцы другой руки пробегают от затылка к
шее и обратно. Козлобородый контрабас.)

Не правда ли, я здорово звучу?
Не слышите?.. Хотя бы смутно, краем...
Навстречу к вам сходящему лучу
откройте слух... Себе не доверяем.
В глухой вселенной каждый одинок.
Звучит звезда. И рыба. И цветок.

(Как бы прислушивается к затихающей музыке.)

Недавно – случай. Еду я в вагоне
метро. Напротив – женщина. Глаза
Вкось – с желтизной. В зрачках играют БОНИ —
М, дальше в перспективе – два ряда.
Послушай, мы летим сквозь фугу Баха.
Здесь – вздохи лошадей и очи сов,

а там, в тоннеле чистых голосов
ликует хор...

Конечно, дернул бес —
придвинулся к ней: «Слышите аллегро?»
В ее зрачки влетел я – и исчез.
Гражданка отшатнулась, как от негра.
«Нет, говорю, не надо ставить щит,
вы слышали, как яблоко пищит?»

Вы слышите, возможно слышать все:
«Лета и лица. Мысли. Каждый случай,
который в прошлом может быть спасен
и в будущем из рук судьбы получен»².

² Борис Пастернак (*Прим. автора*).

ПЛЯСОВАЯ ИГРОВАЯ

В круг выходит ДЕВУШКА в платочке, приплясывает, то есть переступает с носка на пятку и поет скучным-прескучным голосом, в некоторых местах просто воет.

Как же мне, как же мне
На завод с утра идти,
На завод с утра идти?

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Встанешь к трем, идешь к пяти.
Встанешь к трем, идешь к пяти.

Как же мне, как же мне
Подремать еще в цеху,
Подремать еще в цеху?

(Показывает.)

Вот так, вот этак —
И полати наверху,
И полати наверху.

Как же мне, как же мне,
Если мастер «засечет»,
Сыч бровастый «засечет»?

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Уваженье и почет,
Уваженье и почет.

Как же мне, как же мне? —
На дворе хороший день,
На дворе хороший день.

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Джинсы «врангеля» надень,
Джинсы «врангеля» надень.

Как же мне, как же мне? —
Там гуляет паренек,
Там гуляет паренек.

(Показывает.)

Вот так, вот этак
Вьются девушки у ног,
Вьются девушки у ног.

Как же мне, как же мне
Выйти замуж за него,
Выйти замуж за него?

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Не смущайся никого,
Не смущайся никого.

Как же мне, как же мне
На квартиру накопить,
На квартиру накопить?

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Лишь бы денег не пропить,
Лишь бы денег не пропить.

Как же мне, как же мне,
Чтобы были «Жигули»,
Чтобы были «Жигули»?

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Муж, мозгами шевели,
Муж, мозгами шевели.

Как же мне, как же мне,
Если сядет он в тюрьму,
Если сядет он в тюрьму?

(Показывает.)

Вот так, вот этак,
Все любовнику – ему,
Все любовнику – ему.

Как же мне, как же мне? —
Скукотища, скукота,
Скукотища, скукота.

(Показывает.)

Вот так, вот этак
Чешу яйца я кота,
Чешу яйца у кота.

(Истерически.)

У черного!

Как же мне, как же мне?

Или стала я стара,

Или стала я стара?

(Показывает.)

Вот так, вот этак

Наряжусь и – в ресторан,

Наряжусь и – в ресторан.

Как же мне, как же мне —

Не пойти ли на войну,

Не пойти ли на войну?

(Показывает.)

Вот так, вот этак

Расстреляю – разгоню,

Расстреляю – разгоню!

Девушка воет в голос. Между тем в зале уже некоторое время замечалось какое-то движение. Шум нарастал. У одних от скуки и отвращения сводило

скулы, другие как-то произвольно потягивались. Некоторые молча вставали и так стояли столбом, несмотря на шиканье сидящих сзади. Они возвышались в том и в другом месте посреди зала на большом расстоянии друг от друга, обалделые, совершенно растерянные, потому что как бы надо было что-то предпринять, а что – непонятно.

Зал вдруг опустел наполовину, хотя каким образом – неизвестно. Просто появились пустые стулья. Поглядишь, еще дымок вьется, а человека не наблюдается. В задних рядах партера сгрудились, затеяли какую-то азартную игру. Покрикивают, поругиваются. Как на бульваре летом.

Кто-то свисает с белого бельэтажа, держась одной рукой и раскачиваясь по-обезьяньи. Наверху с балкона повисла целая гирлянда: два парня и внизу – девушка. Испуганно вскрикнула – туфля с ноги упала в проход на ковер.

Там, под стульями, азартно обнявшись, катаются двое. Женщина такая толстая, что ряды стульев сдвигаются и трещат.

В уголке целая семья на чемоданах – закусьвает. На потолке появилась трещина, люстра угрожающе качнулась – заблестела, забормотала.

Быстро прошел озабоченный администратор.

Света нет, но откуда-то со стороны проникает даже не свет, нет, серый промозглый холодок, с запашком общественной уборной

ДЕВУШКА (*свисая с балкона*)

Как же мне, как же мне,
Как бы кто бы меня спас,
Как бы кто бы меня спас?

ДОБРОХОТЫ (*располагаясь внизу, ерничая*)

Вот так, вот этак,
Прыгай, девушка, на нас,
Прыгай, девушка, на нас.

КТО-ТО (*блуждая по залу*)

Как же мне, как же мне,
Как отсюда выйти? как?
Как отсюда выйти? как?

АДМИНИСТРАТОР (*бьет его по зубам*)

Вот так! вот этак!
Все распродано, аншлаг!
Все распродано, дурак!

ГОЛОСА (*панически*)

Как же мне, как же мне?
Не желаю, не хочу!
Не желаю, не хочу!

ДРУГИЕ (*показывая*)

Вот так, вот этак,
Сам ложись и ставь свечу.
Сам ложись и ставь свечу.

(В полутемном зале зажигаются, колышутся множество огоньков.)

ДУЭЛЬ

Звенит третий звонок. Свет в зале постепенно гаснет. На пустой сцене стоит кресло с прямой спинкой.

АКТЕР, подгримированный, одетый в элегантный серый костюм, выходит на сцену. Он смотрит на номер кресла, сверяется с билетом, который держит в руке, садится. Устраивается поудобнее, рассматривает программку. (Интересно, что там напечатано и напечатано ли что-нибудь.)

ЗРИТЕЛИ, еще входят в зрительный зал. Одним это помещение знакомо, и они сразу находят свой ряд, другие недоуменно озираются.

АКТЕР, испытывает радостное возбуждение – и некоторую ненадежность, необязательность происходящего. Ему страшно и весело, – отмечает он, – как Пьеру на батарее Раевского...

ЗРИТЕЛИ, рассаживаются на свои места. Двери в зал уже затворили, пожилая билетерша стоит перед ними, являя всей своей фигурой преданность театру.

АКТЕР, смотрит в зал. Чувство профессионального превосходства... Ну, вроде зайчиков они ему представляются.

ЗРИТЕЛИ, кашляют, шуршат программками, производят не вполне понятные звуки. Кто-то полусогнутый перебегает поближе. За ним сорвался другой. Некоторые сидят напряженно, выпрямившись и

вытянув шею, будто привязанные к спинке стула.

АКТЕР, громко откашливается.

ЗРИТЕЛИ, с интересом смотрят, как актер кашляет. Многие думают, уже началось. Девушки, затаив дыхание, разглядывают бледно-синее в свете юпитеров лицо. Две или три уже влюбились до обморока.

АКТЕР, смотрит в зал, как на сцену, лицо его глупеет. Время растягивается, как резина.

ЗРИТЕЛИ, одна из них, «вечная поклонница» актера, сидит в восьмом ряду. Она всегда сидит в восьмом ряду по ряду причин. Она некрасива, от ее худой шеи и черного шелка веет духами «Красная Москва». И самоотречением.

АКТЕР, как всегда, не замечает ее. Только смутная тень неудовольствия касается его души, когда он пробегает беглым взглядом по восьмому ряду, как опытный пианист по клавишам.

ЗРИТЕЛИ, в основном стареющие женщины, отмечают элегантность его костюма. Вспоминают, как фамилия и где видели прежде. Кое-кто думает о постороннем: мельком – любовная история. Вдруг панически: «Забыла ключи!»

АКТЕР, вздрагивает. Он продолжает разглядывать зал, который представляется ему теперь лесом белесых лиц. Некоторые останавливают его внимание. Большое, как блин, лицо. С таким блином как будто работал в Иркутске... Темные глаза – углубленный мрак. С этой магией переспал когда-то, кажется... Усы и борода, как у театрального пожарника-книжника...

Время продолжает вырастать вверх, вглубь и вширь, превращаясь в тишину ощутимо.

ЗРИТЕЛИ, ждут, вот-вот, сейчас он бросит нам горячие, полубессмысленные... А мы сразу – туда, мы – сразу живем, сразу – волнение, сразу – сочувствие... Извиняющийся полузадушенный кашель...

АКТЕР, глядит, тишина разрастается перед ним ночным осенним пейзажем. Сверху нависает лепное кудрявое небо. Снизу поднимается болотный зеленый туман, пронизанный светом ramпы. Впереди – пустынное поле, все в чернеющих кочках, в кочанах капусты. Широкое шоссе уходит вдаль – к таким далеким – далеко-далеко – дверям зала.

ЗРИТЕЛЬ, 20 ряд, 7 место, ощущает в себе источник истины и счастья.

АКТЕР, теперь видит театр, как таинственную гору, нависающую над ним. С вершины сорвались, полетели стайкой, блеснули в луче прожектора нетерпеливые аплодисменты. В ответ он легонько усмехается, закидывает ногу за ногу.

ЗРИТЕЛИ, наиболее догадливые, почуяли: что-то здесь не так. Может быть, несчастный случай? Отнялся язык? Разбило параличом? Напился актеришка, «мама» сказать не может! Да подскажите ему роль! Хулиганство!

АКТЕР, вдруг пугается неизвестно чего.

ЗРИТЕЛИ, почуяв это, угрожающе зашевелились, как нечто косное, еще не сознающее...

АКТЕР, чувствует плывущую на него смутную грозу.

И сразу – из-под ног побежали длинные доски пола, будто рельсы из-под колес... Потолок и кулисы удирают от него, как стая чертей... Вмиг похудел, одежда обвисла, струйки пота горячо текут по спине... Даже воздух отталкивается от него. Нельзя ни дышать, ни жить в этом безвоздушном пространстве!

ЗРИТЕЛИ, сидят рядами острых зубьев. Театр – машина вроде гигантской молотилки или бороны.

АКТЕР ВАСЯ, сейчас рванет на себе ворот, выкрикнет неизвестно что, забьется в истерике!.. «Утиная охота»... «Епиходов какой-то»... Машинально достает из грудного кармашка пиджака за хвостик конфету, как носовой платок. Разворачивает, долго шуршит конфетной бумажкой...

ЗРИТЕЛИ, оскорблены. «Дурака показывают», – негромко сказал кто-то. Неподалеку засмеялись. Зал задвигался, захлопали стулья.

АКТЕР, двигая челюстью, дожевывает конфету, ему приторно и противно. Но чудище уже распалось на стадо более мелких. В ложе блеснули смехом, как чешуей хвоста. В партере безрогие бродят, недоуменно мычат на сцену. В проходе мелькнуло несколько длинных серых. Собаки? Нет, не собаки.

ЗРИТЕЛИ, кое-кто встал. Остальные видят, может быть, все-таки что-нибудь покажут.

АКТЕР, встает с кресла, раскланивается.

ЗРИТЕЛИ, там, на балконе, свистят.

АКТЕР, достает из кармана яблоко и, по-мальчишески свистнув, запускает его туда – вверх.

ЗРИТЕЛИ, кто-то охнул.

АКТЕР, торжествующе: «Попал!»

ЗРИТЕЛИ, с балкона кто-то бросил еловой шишкой. Специально, что ли, принес в театр? Попал тоже.

АКТЕР, схватился за макушку. Смотрит на ладонь. Крови нет.

ЗРИТЕЛИ, в партере все поднялись с мест.

АКТЕР, кричит: «Браво! Бис!»

ЗРИТЕЛИ, на этот раз сверху ничего не упало.

АКТЕР, достает из кармана пиджака куриное яйцо, недоуменно смотрит на него. Качает головой укоризненно. Небрежным жестом выбрасывает яйцо далеко в партер.

ЗРИТЕЛИ, многие откровенно хохочут, потому что женщина, в которую угодило яйцо, восьмой ряд, шестое место, застыла. Только поворачивает из стороны в сторону лицо, по которому стекает желток – прямо в полукрытый крашенный рот.

АКТЕР, распускает петушиный хвост, прыгает по сцене, кричит: «Ку-ка-ре-ку!»

ЗРИТЕЛИ, встают на сиденья кресел, хлопают руками о бока и азартно кудахчут.

АКТЕР, подзывает кого-нибудь из публики, может быть рабочего сцены, вскакивает ему на спину и в упоении «топчет» его.

ЗРИТЕЛИ, орут, показывают ему монеты, кулаки, желтые апельсины. А кому нечего показывать, отрывает от пиджака пуговицы или делает округлые движения руками.

АКТЕР, аплодирует зрителям.

ЗРИТЕЛИ, аплодируют актеру. И – сразу струйки, водовороты. Потекла река к выходу.

АКТЕР, поворачивается спиной к залу, уходит со сцены, поигрывая номерком от пальто. И бедрами.

КАРМАНЫ

Перед нами появляется АВТОР. Он несколько рассеян, задумчив, пожалуй, грустноват. Так всегда кажется, когда он сочиняет. Автор осторожно заглядывает себе в карман, пугается и делает пальцем: тсс!

Если заглянуть себе в карман... Осторожно, там играют в карты – в такие замусленные шлепанцы, огарок теплится и – тени на подкладке, дух курева... «Закрой, кричит, карман! Что круглым глазом уставился, пижон? Сунь только руку – ножом полосну!»... Нет, уж лучше оставить в покое, пускай свою ночь коротают в хлебных крошках и пыли табачной – апчхи! И дырочка – тоже, монетки, насквозь пролетают, за подкладкой теряются сразу. Зане карманники в кармане обжились.

В другой заглянешь, там темно и смутно, кто-то там живет, да я его не видел никогда. Он прячется от света – но куда? Обшаришь – пусто... Но вот твой пятипалый ревизор наверх убрался, мысли отвернулись... Нечто выглянуло прямо из подкладки. Прислушалось: не думаю о нем. Засуетилось, забегало... Пыхтит и тащит спичку из коробки... Топорщится карман... Да вы и сами замечали: с утра, казалось, полная коробка, а тут – две спички ломаных на дне.

В грудном кармане – все по распорядку: расческа, авто-

ручка, удостоверение – и лампы там горят. Линолеум и пластик, герб на коже. Там слышно: сумасшедший журналист, в который раз потея вдохновенно, перепечатывает записную книжку!..

А тут, в кармашке пиджака – далекий город. Вечернее солнце – какая длительная выдержка – фотографирует оранжевые здания на плоской набережной. Далеко за край бегут автобусы, спешат автомашины. Торгуют магазины, гастрономы. И в окнах люди разные видны. В одном, как прежде, за столом тот грузноватый и усатый, похожий на Дюма и на Бальзака, сидит и пишет. Точно, это я. И пишет точно то же. И даже называет по именам всех тех, кого назвать я не хочу. «Прочь из карманов, ШУШУНЫ – МЫШУНЫ, ШУХИ, ШУШЛУХИ, ХАХЛЮХИ, МИХИ!»

Испуганно я вынул из кармана открытку, где вечерний южный город. И выложил на стол. Гляжу – себя не разглядеть...

ГЕНРИХ БУФАРЕВ. ТЕРЦИХИ (1984, 1987)

Генриха Буфарева я знаю давно, потому что я его придумал. Он мой тезка и мой двойник. Он живет на Урале. Он пишет стихи. Как всякий советский человек, бывает в Москве и на Кавказе.

Генрих Буфарев... Однажды он вошел ко мне, не посту-
чав:

– Пельсисочная, – заявил он.

– Что? – не понял я.

– В пельменной обыкновенно пельменей нет, – объяснил поэт. – Зато имеются в наличии сосиски. А в сосисочной – наоборот.

– Красиво, – согласился я.

– Пространство – транс, а время – мера, – раздумчиво произнес выдуманный Буфарев, и я ощутил в своей ладони его небольшую сухую горячую руку.

Генрих Сангир. Москва. 1989

ПЕЛЬСИСОЧНАЯ

В мурелки шлепают пельсиски
В стакелках светится мычай
Народострах и чуд российский

Жить отдыхать и врать и верить
Рабить стакелку невзначай
и правду выдумкой проверить

Сижу качуриком в отставке
с майороглазым старшиной
Дожали – снова по одной...
Хрегочут глотки в переплавке

А на дуруге – дымовозы
и мразогрязь... божба, угрозы —
живьем корчуют и мостят

Сквозит на взлобье – исинь – ветошь
И любят так, что не поверишь
как бы насилуют и мстят

КИОСК КУРОРГА

Киоск курорга: старый добрый пластик
На выбор – сумки, рюмки, жустик, хрястик
– Вам нужен блист? Здесь есть похожий блистик

Народ глядит. Внутри ряды резин
и никчешек полный гамазин
Набычил глаз небритый баргузин

Тигрессы, вепри, бракодабра, на-
рисованы на майках и штана-
Хватают все. Такие времена

Нет вас не удручает нет! что это —
сплошной обман нарпитом карапета
вампука, кривошвейная работа

Возьмите в руки эту пару, братья
смотрите: не услады, а усраты —
распороты и буфли оборваты

Вы сами два солдута в наборе —
В ничьей культуре, в выдернутом мире
И что за игры там – на верхотуре!

ДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Одноэтажный дом с высокими
белыми окнами помню как дым
с белыми окнами помню как дым
одноэтажный с высокими белыми
помню как ветер и помню как шум

ГИСТОРИЯ

Звал ковырялу Главный Бутафор
и приказал: расковырай мне двор
не то с тобой – короткий разговор

Звал каменилу Славный Буфари
и говорил: мне известь затвори
и каменную повесть сотвори

Звал меднолюба Гневный Фабиу
морщиной храм изобразив на лбу
он вырешил: измысли мне трубу

Был двор изрыт. Собор построен был
И крылоса охрангел затрубил
как бы Господь пришел во славе сил

И жители бежа на трубный зов
кричали так, как будто взят Азов —
И громче всех – сробевший Буфарев

Но всюду были ямы, камень бут
был Футариб раздет и необут —
и навернулся в яму Фарибуд

И умер Арибуф. И до сих пор

туристы посетившие собор
идут к автобусу через изрытый двор

ПИТИУНДА

Питиунда – охрамина сосен
Ножницами этот полухрабий —
и железные листья мандаринов
и картонные листы магнолий
и кора-дерюга эвкалиптов —
вырезан из крепкой старой сути —
из ДАРУНВАРУНМАРАКИПРЕНУ

ПОЕЗДКА В КОЛДОБ

Питутели приехали в Колдоб
Подумал предприниматель: «Ах ты чтоб...»
Задача: отстающим вымыть клуб

Лысняк, грустняк и белоклочковатый
получтарух по-модному одетый
глядит: полукоттеджи – полухаты

Скружаются к бибобусу фигуры
У дверцы – озабыченный который
не в складь – не в мать заводит разговоры

Лысняк ему лопаточкою – брысте!
Полустарух собрал себя на части
Винтарь щепу и тракты смотрят гости —

Куровники муровники – охмурь!
А баграном со сцены (верь – не верь)
«Весь ураган доложим без потерь!»

Потом читали подыхая мух
места – отдельно – выжимая смех
лысняк и молодой полустарух

Теперь – грустняк. Он честный и очкастый

Он с отвращением в рифму мыслит часто:
за час – пятнадцать, а за двадцать – триста

Давай, Брусняк, дави их эрудитом
в мощь децибел! – и каждого при этом
всенепременно сделай патриотом

Зови, Песнюк, чтоб каждый первокурсник —
неруха знал: гудит престольный праздник!
Колдобник чтоб задумался о жизни

Не галочкой, а козырем пошел
«Ну прощевайте» – женщины как шелк
– Питутели питуйте хорошо

Куб опустел. Известка – голяком
Осталась память хухом – чесноком
И предприниматель быдто незнаком

КЕРЫВНИК ТАЙ ПРАЦІВНИК

Шахтер – большой и шумный сухожил
– Пишли до баб, – другому предложил
– Поихалы! – обрадовался ты-л

Будынок видпочынку – тю! – СТАХАНОВ
Блокають хлопцы в поісках коханых
В фойе физдеш: Гоните фулюганов!

Сторонкой – в лифт. И той – мужик огромный
– Працуй, казав другому, жмы подъемник! —
Тот и нажал, хоть с измальства был скромник

По коридору темень, як в забое...
Дви дивчины. И наших було двое
Ге, совписуе, значить роковое

Приподнимае кофточку рожеву
два порося... – Мы – не помеха? – Что вы?
Халатик расстегнуться був готовый

Подруга – быстр и смугол – ни словечка
Спросил: – Откуда? – Отвечал: – Узбечка
Татарка – и казанская конечно

Под окнами gryмыв зализный шлях

Блывали зори, огоньки в горах
И там был Бог, а тут сидел Аллах

И пировали двое великанов
краса и блесс одесских ресторанов
и гурия из рода Темир-ханов

Овчар склонял коровушку к амуру
Товарищ обнимал татарку-дуру
Спивали хором: – Взяв бы я бандуру

И вдруг сказал товарищ напрямик:
– Ты – працевник, а я, брат, керывник
Я к обчеству шановному привык

– Нехай працное витры над хвылыной
Нехай працное ричка коло млына
Видпочиваты хочу, геть, хамлына!

И счастье наступило в сей же миг

ХОРОНЫ БАРАКА

Тут с поезда сойдя, казалось, только шаг
забор? Нет, здесь описывали круг
автобусы – и дальше был барак

Охристая стена – в такую далину...
Стежком пройдя снежком и подойдя к окну
заглядывал как рыба в глубину

Там в солнце сдвоено: какая-то доска
блеснул очками, кажется, Оскар
качнулась комната как некий батискаф

Хоронят или блазь? Хоронят: слышу медь
И стылая со ржавчиною сельдь
лежит в сугробе так, что любо поглядеть

Из коридора вышли Валя и Оскар —
на яси снял очки, глазами поискал
(от дужки – вот – полоска у виска)

Да, видим: понесли народом долгий ящик
с окошками и крышей настоящей
Несут барак, потряхивает вещи

Там с полки сыплются кастрюли, чашки, плошки

кровати ездят, падают подушки
Из форточки на снег выскакивают кошки

И видно, как все меньше раз за разом
несут на белом к смутным тем березам
дощатый гроб великим переносом

Когда я проезжал и видя корпуса
(забыл упомянуть, что здесь теперь Мокса)
другая жизнь, другие трубеса

ХМЫРИЗМЫ

Из многих лиц слагался хмырь
над морем наводя на душу хмарь
переползала облачная хмурь

И будто въявь я встретился с хмырем
когда вдоль моря шел я пустырем
и мир кругом был хвоен и огром

Туману может быть благодаря
вдали на белой гальке, где коря
коряжится, увидел я хмыря

Был в кепочке, нет – лыс и седокур
сидел в развилке, где целуют дур
такой худой и в маечке амур

И глазки так размывчиво – скорей —
желеючи... Хитер! нет я хитрей
Что в своей жи не видел я хмырей!

«Давчемлособств!?» Себе я говорю
пришел смотреть дымясь я на зарю
Пусть в брызги...юсь! не дамся я хмырю

Вдруг вижу вдаль: вдоль берега лежат

десятки тел лежат, как рцы на гряд
Я слышу крик хмырюношей, хмырят

Там – мертвый адельфин у бахромы
ухмылкой морды будто молвит: хмы
Скружились, отчужденно смотрят мы

Там в желтом супе плавают хмыри:
газеты, пластик, юфть, хоть гнем гори! —
И грязное величие зари

Все голо – кость и камень – вот их мир
Все сбрито, стерто, сношено до дыр
и в человека водворился хмырь

Но съест его он скоро изнутри

ПЕРЕМЕНА

Дует ветер порывисто и смольно
разволноволновывает пальмы
Воду всю в курчавках видим вдаль мы

Вдруг рвануло флаг шток – сник тряп

Перехлебнулось как задохлось в хвое
Дрожь прошла переберебирая веер
Дрыгнул лист глицинии – проверил

Небо стало... лишь ласкательные волны полоскательные

ХРСТ И САМАРЯНКА

Красавец ждал – автобус В И Н Т У Р И С Т
Народ был пестр – осваиванье мест
Подтягивался – торопился хвост

– В пруф! – рывкнуло в два микрофуфа разом
Наш дом дал дым... и явно был «под газом»
наш красовод с развесистым под глазом

Ну-с развлекай нас милый куровод
рцы в микрошиш брадатый э-энекдот
пуст квохчут женщины, грегочет златорот

«Адна армянка Сарра Федосевна...»
Все: гры, двры, кры, гзы, псы, кровь говна —
кавказисто как будто нарисовано

Ноздристый кмнь – сплошь крвая стена
крст зрелая хурьма ветвями оплела
кого ты прячешь посреди села?

За крысоводом – врта в стене – туристы...
Вдруг небо Иоанна Златоуста
нас высветлило весело и чисто

Потомкам верующих – новым дикарям

большое А созвучное горам
как на ладони протянуло хрм

Вот тут пришла пора *ХРСТУ И САМАРЯНКЕ*
Колеблемы сошли они с картинки
беседуют – босой ногою на ступеньке

Нездешний воздух душу холодил
И даже златозубый крокодил
в своих печенках что-то ощутил

Пицунда Гагры Лыхны Гудаута
Здесь вся земля замешана на свете
и пении – и радостью прогрета

Здесь древоцерквоиноградохрамхурьма
переплела все души и дома —
и далеко внизу – бус, красовид и мы...

Здесь плавают курлы, драконы и грома —
Кавказия...

ПОСЛАНИЕ – САПГИРУ

Твой вислозадый ус, твой волосатый пуз
по перышку я описать берусь
Прощай Сапгирыч – молодец-дедусь

Фарфора чашечка и листья глянцем воска
и Питиунда про – всю вылюбили, тезка —
ты – черномор и я – кусок довеска

Дождь на шоссе, смиренный вид коров
Я – буф! я – пуф! из трубочки искрев
Из ничего сложился Буфарев

Я – клоун! цирк! – но и в брезенте дырка
Я тот мальчишка – «посмотреть» – из парка
Ага! попался! ждет годея порка

Тебе в тумане чайку вместо рук
я протяну – расстанемся, навек? —
Все будут жить и ждать глазами всех собак...

Бери, Сапгир, дарю свои терцихи —
хоть бы они завязли в чьем-то ухе
и то мне хлеб – хрычу и выпивохе

Но ты – не Герцен, я – не Огарев —

хоть кроликам скорми! Прощай и будь здоров
Мкрч! Твой лоскутный тезка Буфарев

КУЗНЕЧИКУС

Давиду Шраеру

Оретикус моретикус кантарус! —
Свою латынь теперь изобрету
Я над любой фонемой ставлю парус
Жив еретик вживлением в ничту

Как ариель взбежал на звездный ярус
Кричу судьбе: огнем его! ату!
И сам себя хватаю налету
Жгу в ярости! – На сцене – пыль и старость

Беру ваш мир – и этакий макарус
Из стеклодранок строю аппаратус
Кузнечикус – и зинзивер икарус!

Не звездомер не время-акробатус
Сам-сон лечу и нет пути обрауунс
Пусть солнце попадает в точку! в ту!

БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА В МОРОЗ

Моксовые дворы белеют кры
Сверкеет небо как седая ры
с утра еще морозище ветри

На холоду гляди потусторонна
тюрьма в снегу большая как ворона —
она сидит и ходит как ворона

С Ивана начиная – с башни дуры
домашним страхом дышат кирпичуры —
всех выше профиль сталинской бандуры

Наверняка в такой мороз и снег
какой-нибудь залетный «человек»
фланируя планирует побег

Когда слепят и гаснут фонари
еще красней морозище ветри —
еще и с вышки вертухай смотри...

Душа успел – пролезли проскочили (ха!)
не выдали его не «замочили» (ха!)
В пустом трамвае – до ВДНХ

А там до Ивантеевки – такси

Душа расслабься! Скука не крыси! —
у шефа БЕЛОМОРА попроси

В кабине черный свет летит свечой
так жарко что горит – знобит плечо
и ноет девка – рана: чо да чо?

Вкось зеркальце ныряет глаз – чекист
«емутовсеравно» – вези таксист
пусть буркалы твои слепуша съест – артист!

Заветный дом – светло заморожено
От крыши тень – крылом. Стучу в светло
перепелом – там жду меня давно —

Ноэtoneвозметoneвозмо!.....
На дверь и стены зырит как в трюмо —
и там – я сам – портрет и натюрмо

Джазморж – еще ветрище! – и Бутырки
дуванит вовсе каменные дырки
скрипучит карусели в детском парке

Скрипачит и качели в дымной пурке

СУМЕРКИ

Манеж в опилках – наломали дров
а вывихи которых будь здоров! —
в любой из одиноких вечеров

когда нарепетируешься со
товарищи – серсо и колесо
огнями рассыпаясь в нарисо —

Твое лицо привычным кукаре
из зеркала кричу тебе навстре
и слышно: ржут горынычи в горе

Улыбку снял – кругами на воде
расходимся – и оплеуха где?
Сам незнаком – уже в другой оде

...усталости – погаснут все о н и
По коридорам – ответ беготни
...о притолоку – голову нагни

По стенам осыпаясь тарака...
и с прочим пестрым ворохом рука
кладет на дно – и в солнце горodka

где девичье на третьем этаже

где позвала – и никого уже —
распахнуто

ЧУРЗЕЛ

*Памяти Тоси Зеленского – подмастерья
Татлина*

Сидит чурзел на курбаке лицом как желтый жаб
хлебает Хлебникова суп – античный водохлеб
он видит сквозь и срез и врозь – фактически он слеп

Ладони сани млину гнут – сметана сатаны —
удочерил и в девы взял как вылепил жены —
весь млечный путь губам приречь – все гродники спины

Горягой книгу куватив летатлина рука
над виноградником летит к уступам Судака
где всинева и всеблака – сомнениям близка

Чурзел ты муж! лицо – пейзаж из выдубленных кож!
ты скроен так! – горелый пыж! – по злomu ты хорош —
летают гуки как огонь! – а умер... ну так что ж...

Мы – кипчаки от стрековищ до слюдевинных³ крыл
тот – степь лиловая цветов – а этот – серый Крым —
вдали сошлись гора к горе – теперь поговорим

³ Люда – «Лаванда» (Прим. автора).

ПАРЕНЕК И ГЕРЛЕСКИ

В наш клуб приухали герлески —
цыганско-русской по-одесски
интрепетации обноски

Два метра ноги – флеш и пляски
А у меня в моей коляске
полинезийка на присоске

Подралливаю к гитаристке —
в шузах и патлах – парень свойский
«Ай лав ю!» – и по Гиляровской

В экстазе жму! – под локтем сиськи
Она моя! – и вру ей – брыське
что городок у нас таковский

что быт степной – почти тexasский
что там я вроде Смоктуновский
и что гриль-бар у нас по-карски —

турусы в общем – боль и сказки!
А сам – в трусы – и фингер близко...
Москвички эти – польки чешки —

распалась вдрызг!.. А город мерзкий

Швейцуг в отделе СВИНТУРИСТЕ
загородил лопатой барской —

Оберегают джинг и рвиски
Давлю стекло – я мальчик дерзкий
Мне хук – я брык... У! бийца в каске

попался бы ты мне в Хабаровске!..
Ну в общем как окурок в миске
сiju – генуг – в своей коляске

А мимо спрингуют сосиски
хоть презирают попкой детской
ай соу – хочется раздеться...

Приду как Зоро в гневной маске
Как Рембо прыгну – лев и мускул
любую выдержу нагрузку

но таун этот идиотский
весь разнесу машинкой адской...
А там пусть скажет суд советский

ВОЛК В УНИВЕРСАМЕ

Надоело мне бегать полям и лесам
отощал мой кайсак. Дети просят кусам
хоть горячих кругал в котелок набрасам

Сколь бетона и звона – красиво кругом!
У вокзала торгуют пустым пирогом
Кунья шапка ворует а мы не могём

В холодильнике – праздник – выходной – никого
Не несутся несušки в НИИ ни в КОО
Скрипнул зубом: поеду! пусть оно далеко

Сбил стаю – зубасты мохна
и шофер наш – такая махна
белый путь – Волохна Болохна

Вспоминали как древле в лесу
я догнал и загрыз колбасу
А теперь все – в Моксу да в Моксу

Вон течет не умещаясь в берега
Как ударит сковородкой утюга!..
Взяли с тыла – проглядели нас – врага

Нас тьмы и тьмы волков-провинциалов

На площадь мы плывем со всех вокзалов
и солнце зимнее – кровавый оковалок

Да! видим! – небо заслоняя колесом
стаканно светится колосс УНИВЕРСАМ
мг – мгают буквы на фасаде А М

Легендой манит путника витрина
Оранжевое боком апельсина
вернулось детство – «Сыр и Ассортина!»

Я пры – я прыгнул шапка с волчьим ухом
навстречу прыснуло сосисками, горохом...
Все покупаю! – не рассыпьясь лихом

Так два часа толкался как в раю
набил моксой горбушку до краю
Бегу чужой – своих не узнаю

Один старик узрев мои горбы
сказал мне внятно: «постыдились бы»
Я огрызнулся: – Постыдитесь вы! —
едой гонять... за тридевять... судьбы

ОЧЕРЕДЬ

Венечке Ерофееву

Государство нам перекрыло кран
но еще шумим – спорим по дворам
С двух часов стоим – очередь во храм

Наши тени по асфальту по земле —
просто каторжники сушие Домье
Протестуем неразумно как в семье

– Либер! Либер! – протестующий хрипит
– Из водяры тоже маде дефицит! —
Теща-ящерица слушает и спит

Впереди тоскует плешь. Сзади за —
нос грустит и разъезжаются глаза
дальше лица – как солдатская кирза...

Вот и девочка – старуха – надцать лет
а глаза – плевок! а душа – наждак! —
это ж надо так себя вывернуть суметь!

Что ни личность – околичность. В то чаще
ни проехать не продрасться – что ещё? —
скуотища! – глоток тыща! – леж-би-ще-ё-ё...

Дрызнь об нас обколотила все углы
Мы бы рады считать красивой – жены злы
вот и пьем и вяжем мать твою в узлы

Ветераны-ны медалей-ля трясут
с фотокарточки глядят – народный суд
дай им волю – все порушат разнесут!

Размахнутся коммунальными Махно
развернут свои тачанки (как в кино)
с бугра из пулемета – каждый знает сам в кого!..

А пока пока по капле в даль двора
продвигаемся в затылок – номера
Горы ящиков и солнца штабеля...

Дом поехал... «Всем не хватит» – голосок...
Известь трескается... сыплется песок...
Водки нет уже – в бутылках ржавый сок!

У дверей скорей скорей – терпенья не!..
Дусяка плавает руками как во сне...
Тут же стриженный другого жмэ к стене...

И пошел пошел размазывать в крови
с кровью сопли – изъясняется в любви
а кровищи – хоть милицию зови...

Так и надо нас – смурьё и старичьё
На износ на выброс – кости и тряпьё!
Пусть над свалкой – небо птичьё и ничьё

ЭТЮДЫ В МАНЕРЕ ОГАРЕВА И ПОЛОНСКОГО (1987)

1

Никто! Мы вместе только захочу
на финских санках я тебя качу
ты гимназисткой под шотландским пледом
а я пыхтящим вислоусым дедом —
и разбежавшись по дорожкам льдистым
сам еду на полозьях гимназистом
Мы – отсветы чужие отголоски
мелькают елки сосенки киоски —
и с хода на залив где ветер дует
где рыбаки над лунками колдуют
где мне в лицо пахнет твой волос дымный
не нашим счастьем под луною зимней

2

Снежный ветер дует с белизны залива
рыбаки на льду чернеют сиротливо
Зябко – руки в рукава шинели прячу
и дышу в башлык – иду к нему на дачу
Долго буду там в углу снимать галоши
юной горничной шинель смущаясь брошу
К лампе – к людям – в разговор! «Хотите чаю?»
за чужой спиной себя на стуле замечаю
и рука с кольцом холеная хозяйки
чашку мне передает «Возьмите сайки»
Обыск был у Турсиных – все ли цело?
Все сидят наперечет – люди дела
Маша светится свечой – чистым счастьем
и на сердце горячо что причастен

3

Прочли письмо узнали росчерк
вот кто иуда! кто доносчик!
Тянули жребий – люди чести
и тот кому достался крестик
взял револьвер тяжелый как замок
кивнул и – в дождь...
Ждал долго... Весь промок
Сюртук тяжелым стал хоть выжми
но ствол сухим держал под мышкой
все вглядывался в ночь откуда
сейчас появится иуда
все пальцы разминал которые свело
и все спешил душой пока не рассвело

4

Еще пел соловей в бледных зарослях мая
комары уже открыли пляжный сезон
на заливе

Ты брился отдувая щеку в зеркало
подкручивая победные усики
ты душился пачулями
и был глубоко и серьезно несчастлив

Она шла и шла по чуть заметной тропинке
расталкивая коленями тяжелый шелк платья
не хотела слушать никаких объяснений
и не успевая сам за собой
ты спешил впереди себя
за взволнованным демоном цвета морской волны

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.